

Виталий Забирко

Операция «Карантин»

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3373385
Операция «Карантин»:

Аннотация

Загадочные события происходят вокруг поселка Пионер-5, затерявшегося в Каменной степи. Гремят взрывы, земля выжигается напалмом. Но, несмотря на завесу секретности, все шире распространяются невероятные, леденящие кровь слухи. Вот и приходится Никите Полынову быть одновременно ученым и разведчиком, охотником и дичью, мстителем и диверсантом.

Содержание

Вместо пролога	4
Глава первая	20
Глава вторая	33
Глава третья	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Виталий Сергеевич Забирко

Операция «Карантин»

Вместо пролога

Последней каплей, переполнившей чашу терпения Вадима Коробова, были два задушенных силками суслика, которых его девятилетний сын Костя принёс домой и гордо водрузил на кухонный стол. Сжалось сердце Вадима, но он нашёл в себе силы похвалить сына и даже показал ему, как надо свежевать убитых зверьков.

Впервые за последние полгода в семье Коробовых на столе было мясо. Из одной тушки жена приготовила нечто вроде украинского кулеша с плохо ободранным просом и кореньями лебеды, а вторую, помыв, круто посолив, уложила в кастрюлю и поставила в погреб, чтобы завтра-послезавтра сварить какую-нибудь похлёбку. Холодильник в доме уже два года не включался – слишком много потреблял электроэнергии, а оплатить её было нечем. Да и хранить в холодильнике было нечего.

Сын сидел за столом именинником, но своим «подвигом» не похвалялся. Чтобы заставить сусликов покинуть нору, ему пришлось залить в неё два ведра воды. А вода в посёлке была на вес золота. Отцу зарплату выдавали талонами на неё.

Коробов-старший догадывался, каким образом сын добыл сусликов, но молчал. Не хотел расстраивать жену, с утра до ночи копавшуюся в огороде и чуть ли не по каплям дозирувавшую техническую воду на грядки. В конце концов, может, парень умнее родителей оказался – сколько ни поливай кремнистую почву, неизвестно, будет ли хоть какой-то урожай. А так всё-таки мясо, еда.

Жена просто млела от счастья, и тараторила за столом за троих.

– Смотри, какой у нас парень вырос, не по годам смышлёный! – восхищалась она. – Добытчик!

Вадим поддакивал, улыбался, но в его глазах плескалась грусть. Утёр ему нос сын-пострел, накормил голодных отца с матерью, когда те ещё в полном расцвете сил. Он побыстрее закончил обед и встал.

– Спасибо, сын, – поблагодарил и ушёл в свою комнату.

Жена, почувствовав неладное, через минуту вошла следом.

– В чём дело, Вадим? Ты что, не мог с нами посидеть? Ведь не окно у соседней Коська разбил, а взрослым делом занялся! Мог бы сегодня больше внимания ему уделить.

Вадим тяжело вздохнул, прикрыл за женой дверь.

– Стыдно мне перед пацаном, Тоня, – тихо сказал он. – Это я его кормить должен, а не он меня.

Коробов-старший достал из ниши рюкзак и начал укладывать в него охотничье снаряжение: патронташ, патроны россыпью, чехол с разобранной «тулкой», нож... Оружие прикрыл лёгкой синтепоновой курткой, а сверху уложил скатку надувного матраса.

– Ты куда собрался? – насторожённо спросила Антонина.

– На рыбалку, не видишь, что ли? – усмехнулся Вадим. Он обнял жену за плечи, поцеловал. – Поброжу-ка я по степи, авось что-нибудь да подстрелю. На иждивение к сыну нам переходить рановато...

Вроде в шутку сказал, с улыбкой, но такую невысказанную тоску увидела жена в его глазах, что промолчала. Никогда ранее Вадим не позволял себе охотиться в межсезонье. Неподобающим делом считал браконьерство, да, видно, и у него терпение лопнуло законы блюсти, когда все вокруг на них чихать хотели.

– Давай, лепёшку в дорогу испеку? – предложила она.

Но Вадим отрицательно покачал головой.

– Спасибо, радость моя, – с наигранной весёлостью сказал он. – Настоящий охотник чем должен питаться на охоте? Тем, что убьёт. Вот подстрелю кабана и целиком на вертеле над костром зажарю. Наемся! Ну и вам по маленькому кусочку принесу. Если останется.

Насчёт кабана Вадим так, для красного словца, сказал. Не водились кабаны в Каменной степи. Одна надежда на зайцев, да и то весьма призрачная – лето выдалось засушливым, и зайцы могли уйти в пойменные места. Правда, водились в степи ещё сайгаки – завезли лет двадцать назад в качестве эксперимента, а они и прижились. Но Вадим не был уверен, сможет ли поднять на сайгака ружьё.

– Ты никак на неделю собрался? – тоже попыталась пошутить Тоня.

– Так уж и на неделю! Жареный кабан за неделю протухнет. Ночью жди, либо завтра вечером. Как повезёт.

Вадим зашнуровал рюкзак, вскинул его на плечо, подмигнул жене.

– Пока, родная! Жди с добычей.

– Удачи... – вздохнула Тоня, глядя в спину уходящему мужу. Больше всего она боялась, что вернётся Вадим ни с чем, усталый, голодный, со сбитыми в кровь ногами. Бог с ней, с добычей, но что ей тогда делась с его потухшим, потерянным взглядом?

Как только Вадим вышел на порог и закрыл за собой дверь, полуденный зной будто гигантской жаркой ладонью прищёпнул его к крыльцу. На лбу мгновенно выступила испарина, во рту пересохло, глаза заслезились от нестерпимо яркого света. Вадим нахлобучил на голову кепи с большим козырьком, нацепил на нос солнцезащитные очки и решительно шагнул на раскалённый асфальт улицы.

В былое время, когда работала гидрошахта, и дорогу ремонтировали раз в два-три года, асфальт в такой день клейко плавился под подошвами, и идти по нему было столь же затруднительно, как мухе по липкой ленте. Но когда шоссе прекратили подновлять, столько зеленоватой пыли из шахтных отвалов на асфальт нанесло, что он окаменел, сцементировавшись с пылью, и некогда ровная дорога теперь дыбилась ребристыми колдобинами.

Неторопливо шагая по обочине, Вадим экономно дышал, настраиваясь на долгое пребывание под знойным небом и стараясь не обращать внимания на струившийся по телу пот. Ничего, минут через десять-пятнадцать организм адаптируется, сердце перестанет бешено колотиться, а поры кожи прекратят выделять из тела отнюдь не лишнюю влагу. Надо только переждать и задавить в себе желание вытащить из кармана платок и насухо обтереться. Иначе потению конца-края не будет.

Прямая, как стрела, улица вела к гидрошахте и обоганительной фабрике. Вдоль дороги стояли однотипные, стандартные дома, выстроенные некогда государством для работников шахты, и если бы не номера под коньками крыш, можно было подумать, что улица бесконечна, настолько уныло и однообразно смотрелся посёлок. Единственным зелёным цветом здесь было полотно дороги – ни одно деревце, сколько не пытались их сажать даже в благодатные времена, когда воды было хоть залейся, на каменистой почве не прижилось.

На территории Каменной степи испокон веков никто никогда не жил. Разве что сарматы ещё до нашей эры изредка заглядывали сюда во время кочевий, но долго на бесплодных землях не задерживались. Да, возможно, гунны, а за ними почти через тысячу лет татаро-монголы пересекли степь во время своих беспримерных завоевательных походов. А может быть и нет – обошли стороной. Уж слишком безжизненным выглядело древнейшее геологическое плато, осадки над которым выпадали в лучшем случае раз в год. Практически всегда здесь держалась солнечная безоблачная погода, и именно над Каменной степью зачастую формировались антициклоны, как правило, дрейфовавшие затем на запад по следам Баламира и Батя.

Освоение Каменной степи началось в шестидесятые годы, когда здесь обнаружили залежи иридиевой руды, весьма важного на тот момент для государства стратегического сырья. Строило гидрошахту и обогатительную фабрику министерство обороны, курировал строительство и производство КГБ, поэтому посёлок возник буквально на глазах за один год. Из районного центра Каменки, что в восьмидесяти километрах к северо-востоку, провели мощнейший водовод, и шахта заработала. Естественно, что ни на каких картах посёлок со звучным названием Пионер не значился. Правда, на почтовых штемпелях посёлок именовался Пионер-5, но почему именно «5», наверное, и в КГБ не знали. Вероятно для большей секретности, поскольку других номерных населённых пунктов с подобным названием в стране не существовало.

Когда пятнадцать лет назад Вадим Коробов приехал сюда по распределению из университета преподавать в школе географию, посёлок процветал. Молодому специалисту сразу предоставили бесплатный дом, из расчёта, что он проработает в школе не менее десяти лет, начислили заработную плату в два раза больше, чем он получал бы в столице за тот же объём преподавательской деятельности, и Вадим, естественно, остался. Тем более что снабжение посёлка продуктами и товарами осуществлялось почти как при коммунизме – то есть понятие «дефицита» здесь отсутствовало, и купить можно было практически всё, в том числе и по заказу, и в кредит. В отличие, скажем, от районного центра Каменки, где в магазинах на пустых полках редко можно было что-то увидеть. В общем, не жизнь, а мечта.

И Коробов думал, что так будет всегда. И даже отказался от предложения университетского профессора, у которого делал дипломную работу, поступить в аспирантуру. К тому времени Вадим женился, и они с женой ждали ребёнка.

Ну а затем в стране произошли известные всему миру события, когда мерилом всех ценностей была провозглашена зелёная бумажка далёкой заокеанской державы, и жизнь дала сильный крен. Причём «корабль благополучия» в посёлке настолько сильно «накренился», что его положение никак иначе, как стремительным «идём ко дну», охарактеризовать было нельзя. Стратегический иридий оказался государству не нужен, поэтому гидрошахту закрыли. Естественно, обогатительная фабрика тут же остановилась сама по себе. Что ей обогащать, куда брикеты концентрата девать? В общем-то, их с удовольствием и за большие деньги купили бы развитые зарубежные страны, но как переступить запрет на вывоз из государства стратегического сырья? Нет, ФСБ за этим следила строго! Вот разве что контрабандой...

Директор гидрошахты после закрытия производства в мгновение ока переселился в Москву, где занял какой-то ответственный пост в министерстве. А как иначе – номенклатурные работники всегда были в цене, тем более что именно они всю перестроечную «кашу» и заварили. Поэтому борьба за обладание «наследством» в посёлке развернулась между главным инженером и начальником техотдела. И борьба получилась нешуточная. Неделью в посёлке гремели выстрелы, звучали автоматные очереди, и даже были взорваны два автомобиля и один дом. А затем наступила тишина. По официальной версии главный инженер вместе с рядом ведущих работников управления гидрошахты отбыл в Москву в распоряжение министерства, хотя в народе пошла молва, что бранные останки главного инженера и его соратников вместе с семьями покоятся на дне шурфа 32/бис. Но никто не проверял достоверность этих слухов – милиции в посёлок въезд был заказан, а КГБ как раз перелицовывался в ФСБ. То есть не до того контролирующей организации тогда было, а потом и тем более. Объект «Пионер-5» рассекречен, производство остановлено, значит, и курировать ФСБ его не намерена, хотя на бумагах объект всё ещё числился на контроле столь серьёзного ведомства.

Остался, таким образом, посёлок без присмотра государственной власти, зато хозяин на него нашёлся. Господин Бессонов, бывший начальник технического отдела гидрошахты, мгновенно получивший в народе прозвище «Бес» за свой крутой нрав и не менее крутые

порядки, установленные им в посёлке. Он организовал нечто вроде подпольной артели по добыче и переработке руды в чистый иридий и нашёл каналы сбыта металла за границу. На территории посёлка перестали ходить какие-либо денежные знаки, кроме «бесовок» – бумажек с печатями и личной подписью господина Бессонова, – на них втридорога отоваривали в единственном магазине посёлка, также принадлежащем хозяину. Если «бесовок» не хватало на жизнь, можно было взять продукты в долг, записавшись в долговую книгу. Но тогда включался «счётчик» роста процентов, и человек навсегда попадал в кабалу. А чтобы в таком положении оказался каждый житель, Бес настолько взвинтил цену на воду, поступавшую по водоводу из Каменки, что никакой зарплаты не хватало. А против любых проявлений недовольства имелся у Беса отряд молодых ребят, вооружённых до зубов. Поэтому об оскорблении нового хозяина словом или действием и речи идти не могло – даже косой взгляд мог быть истолкован как неповиновение с соответствующим летальным исходом. Ну чем не крепостное право? Разве что правом первой брачной ночи Бес не пользовался, да и то, наверное, потому, что свадеб в последнее время в посёлке не играли.

Кто смог, у кого было куда или к кому – родственникам, знакомым, – тот давно уехал из посёлка. Остальные влачили жалкое существование. Ну куда, спрашивается, могли уехать Коробовы, если ни у Вадима, ни у его жены никого из родственников в живых не осталось? Больно он нужен полузабытым приятелям по университету через пятнадцать лет, а уезжать просто так, наобум, не имело смысла. Кто сейчас в России пожелает востребовать учителя географии, пусть он даже по совместительству преподаёт и историю, и математику, и физику? Статус беженцев семье никто не даст – как можно из России в Россию сбежать? – и это значит, что придётся вести жизнь бомжей. А чем жизнь бомжей «там» лучше жизни «крепостных» тут?

Вадим прошёл улицу до конца и возле здания шахтоуправления, ставшего ныне резиденцией Беса, свернул на товарный двор заброшенной обогатительной фабрики, где находились насосная станция и коллектор водовода. Здесь, у стены длинного пакгауза, где раньше складировались брикеты обогащённой руды для отправки на номерной завод по извлечению редких металлов, сидел, развалившись на стуле под навесом, разбитной парень в камуфлированной форме. Куртка на нём была расстёгнута до пупа, ноги в сапогах он взгромоздил на пустой стол. Слева от парня к стене был прислонён АКМ, справа в ногах стоял ящик бутылочного пива. Парень пил пиво и усиленно потел.

Вадим подошёл к столу и остановился.

– Ба! – нехорошо разулыбался парень. – Коробок собственной персоной пожаловал! Букварь! Никак пивка захотелось?

Коробов хорошо знал боевиков Беса – все они у него когда-то учились. Кто оканчивал школу, а кто, как этот – Алексей Шишко, со странной кличкой Смага, – бросал, недоучившись. Кому сейчас образование нужно? Без него легче живётся. Смага пять с половиной классов с трудом осилил, три года второгодником был, а поди же ты, припеваючи живёт, над голодным учителем с университетским образованием издевается.

– Нет, я пива не хочу, – ровным голосом отказался Вадим. – Я пришёл за водой.

– Ах, попить букварю хочется! За деньги или в долг водичку брать будем?

– По талонам, – всё также спокойно проговорил Коробов, не обращая внимания на фривольный тон Смаги, явно желавшего вывести из себя учителя.

Вадим достал из кармана тоненькую книжечку талонов, вырвал один листок с печатью и подписью Беса и протянул Смаге.

– Мне два литра.

Смага небрежно скомкал листок, и бросил его в ящик с пивными бутылками.

– Букварю Коробку два литра питьевой воды! – постучал костяшками пальцев в окошко пакгауза над собой.

За запылённым стеклом мелькнуло девичье лицо и тут же скрылось. Смутилась девушка, увидев своего школьного учителя.

Алёна Грошина, вспомнил Вадим. Хорошая девочка, одна из лучших учениц школы. В былое время и золотую медаль получила бы, и в университет поступила... А так... Сломали девчужку, растоптали такие подонки, как Смага.

Окошко чуть приоткрылось, и из него высунулась рука с двухлитровой пластиковой бутылкой. Голову Алёна старалась в окне не показывать, чтобы не встречаться взглядом с Коробовым.

Смага, не глядя, поднял руку, принял бутылку и стал вертеть её у себя перед глазами. Отдавать её Коробову он не спешил.

– И куды же это ты с рюкзачком собрался?

– На кудыкину гору. Там пиво бесплатно раздают.

– Н-да? – Смага чванливо отвесил губу. – А ты знаешь, Коробок, что в стране инфляция? И к нам эта гадость тоже докатилась. Так вот, букварь, теперь за один талон можно купить лишь полтора литра воды. Такие дела...

Нагло глядя в глаза своему бывшему учителю, Смага свинтил крышечку с бутылки и приложился слюнявыми губами к горлышку. Однако пропущенная через цеолиты в цехе химподготовки кислая вода в него не пошла. Что после пива и не мудрено. Поперхнулся Смага, закашлялся, но выход из положения нашёл быстро. Перевернул бутылку и вылил на землю около трети.

– Теперь порядок, – проверив на свет, сколько осталось, довольно сообщил он, закрутил крышечку и протянул бутылку Коробову.

Вадим взял бутылку, открыл и на глазах оторопевшего Смаги демонстративно промыл горлышко и пробку от его слюней.

– Что, брезгуешь?! – окрысился Смага. – Смотри у меня, букварь, допросишься! Думаешь, я забыл, как ты меня в школьном сортире поймал, когда я «травку» втихаря курил? И как уши мне крутил?!

– Да, зря я тогда... – с сожалением вздохнул Вадим, засовывая бутылку в карман рюкзака.

– То-то! – самодовольно оскалился Смага.

– Зря я тогда «ухи» тебе не оторвал, – уточнил Вадим, спокойно глядя в злые глаза бывшего ученика.

Смага взбесился. Ну что от «бесёнка» ожидать можно, кроме подражания своему хозяину?

– Ну ты, огрызок указки! – заорал он, вскакивая и хватаясь за АКМ. – Я из тебя сейчас решето сделаю!!!

– А хотюнчик не надорвётся? – осадил его Вадим. – Не та ты сошка, чтобы из автомата по собственному желанию в кого хочешь палить. Если меня убьёшь, тебя Хозяин на этом же месте зароет.

Коробов не блефовал – знал он, в чём его сила. Учителей и медиков Бес не трогал и своим подручным запретил. Их и так наперечёт осталось – трое учителей, четверо врачей. Если школу закрыть или больницу, обязательно кому-то захочется своё чадо грамоте учить, либо у кого-то аппендицит прорвёт. И тогда этот кто-то в Каменку подастся и ни на день-два, а надолго. А вот этого как раз допускать и нельзя – и без того о посёлке уже ходят разные слухи, а тут в райцентре ещё и живой свидетель появится, который в любой инстанции эти слухи подтвердить сможет.

– Да я... тебя... без автомата...

Отшвырнув АКМ в пыль, Смага двинулся на учителя.

– Собственные зубки надоели? – фыркнул Вадим. – Фарфоровые челюсти вставить захотелось?

Он чуть развернулся плечом в сторону парня и принял боксёрскую стойку. Сейчас уроки физкультуры в поселковой школе отменили, но ещё три года назад, когда учился Смага, они были, и вёл физвоспитание тоже Вадим. О чём и не преминул напомнить бывшему ученику.

Протрезвел Смага в мгновение ока и застыл на полушаге к Коробову.

– Так-то лучше, – хмыкнул Вадим, развернулся и зашагал прочь.

И тогда в спину ему понёсся отборный, площадной мат.

– Это единственное, что я тебе разрешаю, – бросил через плечо Вадим. Хотел добавить: «Побесишься, побесишься, авось, повесишься!» – но сдержался. Узнай Хозяин об этих словах, не посмотрел бы, что Коробов учитель. Злая поговорка о Бесе ходила по посёлку как заклинание от черта в старину: «Тьфу, тьфу, нечистая сила! Сгинь!» И говорили её точно так же, полущёпотом, оглядываясь, разве что не крестясь.

Вадим обошёл стороной шахтный двор с навечно застывшими механизмами и оборудованием: прогнившими ленточными транспортёрами, горой обсадных труб и проржавевшим гидромонитором, – по широкой дуге обогнул полигон с отвалами, куда сбрасывалась пульпа породы из гидрошахты и обеднённая руда после переработки на обогатительной фабрике, и вышел во чисто поле. Никогда раньше он не ходил в степь к югу от посёлка. Но никогда и не охотился посреди лета. В те далёкие времена, когда гидрошахта ещё работала, всех владельцев ружей перед сезоном вызывали в первый отдел и строго-настрого, под подписку, запрещали заходить в эти места. Ни для кого в посёлке не было секретом, что где-то километрах в десяти на юг расположена военная база. Правда, какая именно военная база никто не знал. Видно очень уж непростая база соседствовала с посёлком – гораздо выше по уровню секретности, чем Пионер-5. Как бы не «точка» с баллистическими ядерными ракетами стратегического назначения.

И хотя прошло уже пять лет, как некому стало заикаться, чтобы на юг от посёлка никто носа не совал, Вадим по привычке охотился в знакомых местах. Теперь же решился на вылазку на юг только потому, что знал – в известных ему угодах сейчас живности нет. Выгнало её оттуда беспощадное солнце, в пыль высушив всю растительность. Поэтому и решил Коробов испытать счастье в некогда запретной зоне – авось там земли получше, не такие кремнистые, и на них хоть что-нибудь да растёт. А если растёт, то есть надежда встретить зайца или сайгака.

Полуденное солнце пекло немилосердно. В этот час степь напоминала лунную поверхность – настолько была безжизненной. При этом белесая кремнистая равнина сливалась на горизонте с таким же белесым небом, и от сияющего со всех сторон слепящего безумия казалось, что находишься в горниле муфельной печи. Не было обычного дрожания воздуха у земли, когда она под палящими лучами начинает «парить». Ни грана влаги не осталось в запёкшейся в камень почве. И хоть и намёка на подобие ветерка в степи не ощущалось, в неподвижном воздухе висела пыльная дымка. Похоже, немилосердное солнце, выпарив из степи последние крохи влаги, теперь с иезуитской жестокостью дробило её своими лучами в пыль.

Минут сорок Вадим шёл строго на юг, пока за горизонтом не скрылись здания гидрошахты. Тогда он остановился, раскрыл рюкзак и собрал «тулку». Вставив в стволы патроны, закрыл затвор и повесил ружьё через плечо. Затем нацепил на пояс патронташ и подогнал лямки рюкзака, чтобы изрядно похудевший заплечный мешок плотно прилегал к спине и не мешал при выстреле. Надежды на встречу с каким-нибудь животным практически не было, но чем чёрт не шутит!

Закончив приготовления к охоте, Вадим внимательно осмотрелся. Степь на юге ничем не отличалась от степи на севере, востоке и западе. Даже сквозь солнцезащитные очки её белесая поверхность отражала столько света, что резало глаза. А неподвижный раскалённый воздух был настолько плотным, что пыль, поднятая ногами Вадима, прямой полосой висела за ним до самого горизонта, напоминая собой сильно размытый инверсионный след самолёта.

Вадим достал пластиковую бутылку и смочил губы. Только смочил, но и этого оказалось достаточно, чтобы в горле перестало першить, а резь в глазах ослабла. Плохо, конечно, что у него мало воды – до завтрашнего вечера, как он предполагал охотиться, её не хватит. Однако об инциденте во дворе заброшенной обогатительной фабрики он ничуть не жалел.

Ещё где-то около часа Вадим шёл строго на юг, внимательно осматриваясь по сторонам. И признаков живого вокруг не было. Зато досмотрелся до того, что в глазах начало рябить, а затем заплясали солнечные зайчики.

«Вот если бы эти зайчики были настоящими, настрелял бы – домой не унести...» – попытался шуткой взбодрить себя Вадим. Он ступил на неприметный пригорок, сделал шаг вперёд и... И полетел в пустоту, не ощутив под ногами опоры.

Пришёл он в себя на дне глубокой, метров пяти, ямы, напоминавшей воронку от авиабомбы. К счастью для Вадима, падал он не отвесно, а съехал по склону на спине. Руки-ноги были целы, но затылок ушиб основательно. В последний момент ударился обо что-то твёрдое. Впрочем, всё здесь было твёрдым – окаменевшие склоны ямы ничем не отличались от поверхности степи. И если воронка действительно была следствием некогда взорвавшегося фугаса, то бросили бомбу никак не позже, чем тысячу лет назад. Ну там татаро-монголы или те же гунны с ковra-самолёта на бреющем полёте...

– Ни черта себе – поохотился! – пробормотал Вадим, ощупывая голову. На месте ушиба ощутимо быстро выростала огромная шишка.

Коробов сел и, протянув руку, поднял валявшееся рядом ружьё. По счастливой случайности на стволе не осталось даже царапины, зато на прикладе появилась хорошая вмятина.

«Надо с шишкой на затылке сверить, может, совпадут? – с издевкой подумал Вадим. – За то, что такую ямищу не заметил, не только по затылку прикладом полагается, но и промеж глаз...»

Впрочем, заметить яму было весьма затруднительно. Отвесные лучи солнца освещали её столь тщательно, словно вылизывали, и не то, что клочка тени, но и намёка на неё на склонах не было. Сливалась воронка для зрения воедино с поверхностью, отсутствием теней на склонах сводя на нет пространственную перспективу. А тут ещё пляшущие солнечные зайчики в глазах...

Вадим достал из кармана рюкзака бутылку и на этот раз сделал большой глоток. Тёплая, противная, с химическим привкусом вода, тем не менее, оказала благотворное действие. Солнечные зайчики в глазах растаяли, зато шишка на голове стала пульсировать тупой болью. Сняв кепи и очки – каким образом они при падении на голове удержались? – Вадим накапал воды в ладонь и приложил её к затылку. Нельзя сказать, что помогло, но хуже не стало.

«Не хватало ещё сотрясение мозга получить, – поморщился он и опять изволил над собой поязвить: – А чему там сотрясаться? Те, у кого мозги были, давным-давно из посёлка дёру дали...»

Он снова надел кепи и очки и немного посидел, приходя в себя, – всё-таки лучше устраивать привал, когда есть на что спиной опереться, чем сидеть на ровной, как стол, поверхности. Однако долго расслабляться Вадим себе не позволил. Не для того в степь выбрался, чтобы здесь прохладиться. Тем более, что «прохладиться» в яме под солнцем в зените даже негру не удалось бы.

Решительно поднявшись, Вадим забросил на плечо ружьё, повернулся... И застыл, как вкопанный. Склон, по которому он скатился в яму, разительно отличался от противоположного. Такого просто не могло быть в Каменной степи, мёртвой испокон веков. То, что увидел Вадим, представляло собой как бы рукотворную наклонную стену, аккуратно сложенную из дикого камня. Точнее кусочек стены, некогда засыпанной землёй, а затем кем-то частично раскопанной. Уж слишком яма своим видом была похожа на археологический раскоп какого-нибудь архаичного Шлимана – это сколько же веков должно было пройти, чтобы склоны раскопа окаменели?

«Наверное, это и есть та самая сверхсекретная база, – скривил губы в саркастической улыбке Вадим. – Вход из дикого камня сложен, а за ним баллистические ракеты из верблюжьего кизяка в готовности номер один моей команды дожидаются. Надо только „Сезам, открой!“ сказать...»

Вадим осторожно потрогал пальцами кладку, присмотрелся. Следы цементирующего раствора между камнями отсутствовали, так что, вполне возможно, стена была очередным капризом природы. Кому, как ни ему, географу, знать, что солнце и ветер ещё и не такие нерукотворные замки создают. Хотя с другой стороны – порода-то сланцевая, нигде вокруг подобной нет. Но и это опять ни о чём не говорит – может, потому в других местах и ям подобных нет, поскольку сланец только здесь находится.

Он ещё раз провёл по сланцевой кладке рукой, словно пытаюсь по методу экстрасенсов определить, прикасалась ли когда-нибудь к стене рука человека. Не определил. Либо много веков минуло, либо экстрасенс он хреновый.

Вадим досадливо передёрнул плечами и тут вдруг увидел пробивающиеся в нескольких местах из рукотворно-нерукотворной кладки чахлые кустики травы. Охотник мгновенно возобладал над археологом и географом в душе Коробова. Какие к чёрту тайны истории, когда есть хочется!

Ориентируясь исключительно на чисто охотничий инстинкт, он внимательно осмотрел каждый кустик, потрогал, размял пару травинок между пальцами, понюхал.

Трава была живой. Мало того, как показалось Вадиму, один из кустиков кто-то недавно глодал. Чего только не подскажет надежда возбуждённому сознанию... В эту минуту все клады мира, в том числе и за этой сланцевой кладкой, готов был отдать Коробов за тощего зайца.

Чуть ли не стрелой взлетел он по неизвестно кем сложенной стене и чуть опять не сорвался вниз, отпрянув от края воронки и прячась за ним, как за бруствером окопа.

Метрах в двадцати боком к Вадиму стоял сайгак. Стоял неподвижно, отвернув голову в противоположную от ямы сторону.

Медленно, не спеша, стараясь унять дрожь в пальцах, Коробов снял с плеча ружьё. И мысли у него не возникло, что придётся стрелять в заповедное животное, даже наоборот – досада появилась, что патроны в стволах с заячьей дробью. Заменить бы их на патроны с картечью, да некогда. Сайгак ждать не будет...

Осторожно высунувшись из-за края воронки, Вадим стал целиться сайгаку под лопатку. С такого расстояния, если попадёт, и заячья дробь может уложить сайгака на месте. Тем более что целиться из ямы было удобно – кроссовки надёжно зацепились носками за каменную кладку, локти твёрдо упирались в естественный бруствер. Как в тире.

И тут неизвестно почему в голову пришёл эпизод из «Угрюм-реки» Шишкова, когда Ибрагим последним патроном целился в лося. И настолько навязчиво эпизод крутился в голове, что мешал сосредоточиться на выстреле. Лишний раз Вадим убедился, как плохо в теперешнем мире быть эрудированным.

Сайгак лениво повернул голову, и Вадим поспешно выстрелил. Дуплетом, чтоб наверняка. И всё же на доли секунды опоздал – сайгак прыгнул. Будто кто красной краской плюнул ему в круп – настолько кучно дробь попала в правую ляжку. Животное швырнуло наземь, но оно тут же вскочило и галопом понеслось в степь.

Вадим выпрыгнул из ямы, на ходу перезаряжая «тулку». Однако следующий дуплет, уже картечью, прозвучал, когда сайгак отбежал метров на сто. Палить с такого расстояния всё равно что в белый свет.

«Эх, Ибрагим, Ибрагимка... – лихорадочно стучало в голове. – Ты-то на месте лося уложил, а я...» Но особого отчаяния Вадим не испытывал. С такой раной добыча далеко уйти не могла. Это сейчас, в запале, сайгак скачет как невредимый, но вскоре рана даст о себе знать. На трёх ногах от охотника не убежишь.

Коробов снова перезарядил ружьё картечью, забросил его за плечо и отправился в погоню. Особых навыков следопыта не требовалось – пыль, поднятая копытами животного, ровной, указующей полосой тянулась к горизонту и не собиралась ни опадать, ни рассеиваться. К тому же вдоль неё то тут, то там на белесой кремнистой почве ярко алели бисеринки крови.

Где-то через километр Вадим наткнулся на большое кровавое пятно.

«Ага! – обрадовался он. – Здесь сайгак упал. Недолго мне шагать осталось».

Коробов позволил себе остановиться и глотнуть из пластиковой бутылки воды. В азарте погони он сбил дыхание, и пот катился градом. Экономить воду теперь не стоило, впрочем, и бездумно транжирить тоже не следовало. Целиком убитого сайгака ему не унести, придётся свежевать на месте. Но и тогда потребуются немалые силы километров пятнадцать тащить на себе около пятидесяти килограммов свежего мяса. Потом умоешься – будь здоров!

Вопреки предположению быстро догнать раненое животное и добить его, Вадим всё шёл и шёл, а добычи не видел. Раненого подобным образом зайца, он обнаружил бы уже через километр, однако о выносливости сайгака Коробов не имел представления. Первый раз на него охотился.

Местность вокруг не менялась – всё та же однообразная голая равнина, вызывавшая тоскливое ощущение, будто топчешься на месте. И всё же неприятные для себя отметины на кремнистой почве Вадим увидел. То здесь, то там стали встречаться давние следы от траков армейских ракетных тягачей. А затем след сайгака и вообще вывел на разбитую траками дорогу и пошёл по ней.

Но Коробов прекращать погоню не собирался. Во-первых, следы от траков были очень давние, а во-вторых, даже если он ошибается, и секретная база по-прежнему функционирует, что с ним там могут сделать? Ну задержат до выяснения личности, а ничего более серьёзного инкриминировать не смогут. Зато кормить будут на время задержания. Правда, завершить охоту, конечно, не дадут... Но здесь уж как повезёт.

После того места, где сайгак упал, бисеринки крови на земле начали встречаться чаще. Это понятно – устало животное, медленней побежало. Затем кровавые капли стали попадаться всё реже и реже. И это тоже было понятно, и вселяло надежду, что скоро Вадим наткнётся на упавшее животное – сколько-то всего крови у сайгака? А потерял он её достаточно, пора и обессилить.

Однако надежда на то, что он обнаружит павшее животное ещё до явно обозначенной запретной зоны, рухнула в одно мгновение, когда ещё издали Коробов увидел поперёк выбитой траками дороги шлагбаум. Шлагбаум был поднят и издали похож на допотопную зенитку, наклонно задравшую ствол в небо. След сайгака вёл прямо к нему.

Но и это не остановило Вадима. Угрюмо сдвинув брови и стиснув зубы, он упрямо продолжил преследование. Была ни была! Он и нечто вроде оправдания себе нашёл на случай задержания – раз шлагбаум поднят, значит, путь свободен.

Так, в общем, вблизи и оказалось. Шлагбаум не опускался, как минимум, лет пять. Краска на нём облупилась, и только с большим трудом можно было догадаться, что некогда его покрывали оранжево-чёрные полосы. Посреди шлагбаума красовался металлический круг с предостерегающей надписью: «Стоять! Запретная зона!»

Вадим облегчённо перевёл дух и улыбнулся. От этой надписи сейчас было столько же толку, как от надписи «Посторонним в» над дверями домика Пятачка из известной сказки Милна. Как в сказке никто не знал, кто такой этот самый «Посторонним в», так и в Каменной степи о существовании здесь некогда запретной зоны напоминал лишь предупреждающий транспарант. Зато след от сверхсекретной военной базы остался, и довольно значительный. Отсюда, от шлагбаума, база открывалась как на ладони. Точнее, её остатки – остовы взорванных сооружений, периметр из колючей проволоки с кое-где поваленными столбами, пустой створ покосившихся ворот. Входи – не хочу!

Сайгак захотел – его след вёл через ворота. И это обрадовало Коробова. Всё, конец погони. Через колючую проволоку сайгак не перепрыгнет.

Сняв с плеча ружьё, Вадим направился к воротам. Однако рано радовался. Найти раненое животное среди развалин, ошестинившихся прутьями покорёженной арматуры, заваленных кусками взорванного бетона, металлическим хламом, осколками стекла, представлялось отнюдь не простым делом. И со следами здесь было сложнее – капли крови встречались то тут, то там, взбитая копытами пыль висела над всей территорией бывшей базы. Вероятно, сайгак беспорядочно метался из стороны в сторону, пытаясь найти выход. И если ему это не удалось, забился в какой-нибудь угол, где отыскать его весьма проблематично. Но отнюдь не безнадежно.

Оценив ситуацию, Вадим первым делом взобрался на глыбу бетона у ворот и внимательно осмотрел окрестности. База занимала относительно небольшую территорию – чуть больше футбольного поля. В периметре из колючей проволоки прорех не было – на всём протяжении он представлял собой хаотическое сплетение спиралей шириной метра три, чью целостность не смогли нарушить даже поваленные столбы. И, самое главное, нигде за пределами периметра, разве только от ворот, полосы пыли над степью не висело. Не мог уйти отсюда сайгак, никак не мог.

Вполне удовлетворённый увиденным, Коробов начал методично, метр за метром, прочёсывать развалины, уверенный, что не пройдёт и часа, как он будет с добычей. У ворот Вадим наткнулся на небольшой, метров десять в диаметре, котлован, засыпанный крупными обломками бетона. Вадим обошёл его по кругу, внимательно вглядываясь во все щели, однако вниз спускаться не стал, опасаясь, что это взорванная ракетная шахта, и обломки могут просесть вместе с ним. Далее находился фундамент какого-то, судя по обломкам стен, сферического здания, усеянный длинными узкими полосами ржавого железа вперемешку с кусками силового кабеля, разноцветными пучками монтажных проводов и битым стеклом. Возможно, это были остатки радиолокационной антенны, а может и нет. Не очень-то Вадим разбирался в технике, хотя поневоле и преподавал физику. А вот то, что увидел дальше, почти возле колючей проволоки, он знал хорошо. Под углом градусов в тридцать к горизонту здесь когда-то стояли большие зеркала солнечных батарей. От двух зеркал остались только ячеистые рамы да осколки, но зато третьёе, самое дальнее, чудом сохранилось, лишь пара угольно-чёрных элементов треснула в своих ячейках.

Коробов на мгновение забыл, зачем здесь находится. Восхищённо прищёлкнул языком, беспечно шагнул к солнечной батарее... И провалился.

На этот раз повезло гораздо меньше, чем при падении в яму. Летел Коробов метров шесть-семь и грохнулся на голый бетонный пол. Который, как известно, не обладает мягкостью перины. Тем не менее, костей Вадим не поломал, хотя расшибся здорово.

Первой мыслью была дурацкая: «Не слишком ли много „провалов“ за один день?» Затем её догнала не менее одиозная: «Как же я теперь мясо сайгака понесу? Меня самого, наверное, тащить надо...»

Вадим пошевелился, и это движение отозвалось болью во всём теле. Болел левый бок, ныла кисть правой руки, саднило оба колена, но больше всех пострадал нос. Кровь из расквашенного носа сбегала на пол весёлой струйкой. Коробов со стоном перевернулся на спину и благодаря рюкзаку за плечами смог запрокинуть голову. В таком положении минут через пять кровотечение остановится, и можно будет встать и осмотреться. Хорошо, что очки во время падения слетели, а то от их осколков мог и глаз лишиться.

Осмотреться получилось раньше, чем встать. Насколько понял Вадим, его угораздило провалиться в подземный бункер, точнее – во входной тамбур бункера. Воздух в провале был насыщен плотными клубами пыли, но рассеянный свет из трещины в потолке позволил оценить обстановку. Слева находился завал, и по крупным обломкам бетона Коробов догадался, что его первоначальное представление о происхождении котлована у ворот базы было неверным. Нет, не ракетную шахту там взорвали, а вход в подземелье. Вероятно, от взрыва и появилась трещина в своде тамбура, в которую Вадима угораздило провалиться. Справа, в полуметре от Коробова, высилась бетонная стена с впечатанным в неё огромным люком, чьи впечатляющие размеры и тускло блестящая металлическая поверхность внушали уверенность в его полной непробиваемости. Даже танком. А две другие стены были глухими. Вот и всё помещение. Три метра длины – от завала до люка, пять метров ширины – между глухими стенами, и шесть-семь метров высоты. Каземат, одним словом, поскольку выбраться из него не представлялось возможным. Это не естественная воронка в степи с более-менее пологими склонами...

В пролом в потолке заглядывало солнце, тоненькой струйкой между ошестинившейся острыми зубами порванной арматуры сыпалась пыль. А поперёк трещины там, наверху, лежала «тулка». Нет, чтобы наоборот: он – наверху, а «тулка» – внизу...

В общем, весёленькая ситуация. Теперь проблему, как тащить на себе тушу сайгака, заменила проблема, как «вытащить» себя из подземелья.

Вадим с кряхтением сел, потрогал нос, ощупал тело. Вроде бы цел. Кровь из носа уже не капала, а ушибы для взрослого мужчины почти всегда были чем-то вроде награды. По крайней мере, это стопроцентно верно для нашего дикого времени, которое осталось наверху, и в которое, кровь из носу, необходимо вернуться. Кровь из носу он уже «пустил», однако до возвращения было всё так же далеко.

Коробов встал на ноги, попробовал ходить. Вроде бы нормально. Дня через два-три о таких ухабах можно и забыть. Просто повезло, что, когда летел в провал, не поранился о торчащие прутья арматуры. Однако от такого «везения» за три версты тянуло тухлятиной. Как в анекдоте, когда партнёр по преферансу рассуждает по поводу смерти своего друга, умершего во время игры от разрыва сердца: «А если бы он пошёл не с трефы, а с бубны, ему было бы ещё хуже!»

Первое, что пришло на ум, – сложить из обломков завала пирамиду и таким образом выбраться наружу. Вадим шагнул к обломкам, под ногами что-то хрустнуло. «Очки», – догадался он, но нагибаться, чтобы посмотреть, не стал. Если при падении они не разбились, теперь это не имело значения.

К сожалению, идея насыпать гору обломков и по ним выбраться из подземелья оказалась неосуществимой. Мысль была хорошая и, наверное, единственно правильная в его положении, однако все крупные обломки были намертво соединены друг с другом армату-

рой, а из мелких пирамиду высотой в пять метров не соорудишь. И всё же где-то около часа Вадим, сбросив с плеч рюкзак, пытался насыпать гору из мелких камней и земли под проломом в кровле. Работал исступлённо, не замечая ни времени, ни результатов своей работы. Остановился только тогда, когда до мелких камней через переплетение арматуры стало невозможно дотянуться.

Он словно очнулся. Распрямил спину и с замиранием сердца повернулся. Горка получилась всего полметра высотой. Руки у Вадима опустились. Неужели всё? Обидно. Обидно ощущать себя мышью в стеклянной бутылке.

Вадим вытер рукавом лицо и чуть не содрал с него кожу. Цементная пыль, смешавшись с потом, превратилась в подобие абразивной пасты. Это сколько же драгоценной воды придётся дома потратить, чтобы отмыться? Если, конечно, придётся...

– Спокойно, только спокойно, – пробормотал он. – Биться головой о стену ты всегда успеешь...

Вадим достал из рюкзака бутылку, сделал экономный глоток. Бесцельно прошёлся по замусоренному полу, увидел слетевшее при падении кепи, машинально поднял, отряхнул, надел на голову. Затем остановился у люка и стал его внимательно рассматривать. Добротный люк, как в швейцарском банке. Ни ручки, ни замка, ни штурвала, лишь с левой стороны на уровне груди находилось три прорези-окошка, блестящих тёмным непрозрачным стеклом. Никак иначе как пуленепробиваемым. Два окошка были узкими, горизонтальными, а одно квадратным, чуть побольше ладони.

Именно ладони! Причём правой, потому что именно её матовый отпечаток нечётко просматривался на полированном стекле. Понятно теперь, каким образом открывался люк. И делалось это так...

Вадим приложил ладонь к отпечатку.

Неожиданно окошко осветилось зеленоватым светом, и Коробов отдернул руку. Однако свечение не пропало – на флюоресцирующем фоне окошка смазанным пятном чернел дактилоскопический отпечаток ладони Вадима, где папиллярные узоры просматривались лишь местами. Отнюдь не на грязные руки был рассчитан анализатор.

Секунд десять ничего не происходило, затем зелёное сияние погасло, и красным светом замигало верхнее окошко. Неизвестно откуда послышалось шипение, и механический голос начал медленно, с натугой, будто с заедающего магнитофона, говорить:

– И-ден-ти-фи-ка-ци-я не-воз-мож-на... Про-шу пов-тор-но при-ло-жить ла-донь... В про-тив-ном слу-ча-е че-рез пят-над-цать се-ку-у-ун-н-н...

Звук сошёл на нет, красное мигание погасло, и Вадим так и не узнал, что должно было произойти через пятнадцать секунд. Может, и к лучшему. Однако то, что электроника люка работала, поразило его. Либо где-то в подземелье имелся автономный, изрядно подсевший источник питания, либо зеркало чудом уцелевшей солнечной батареи продолжало снабжать брошенную базу электричеством.

А дальше произошло вообще необъяснимое – вдруг загорелся зеленоватый свет в третьем окошке и люк начал медленно бесшумно открываться. Миллиметр за миллиметром. Толщина у люка оказалась порядочной – больше полуметра, и Вадим с замиранием сердца гадал, хватит ли на этот раз энергии, чтобы он открылся полностью, или произойдёт то же самое, что и с магнитофонной записью? В душе затлел слабый огонёк надежды – должна же быть на базе какая-нибудь рухлядь, с помощью которой он сможет выбраться в пролом!

Энергии хватило. Видимо питание сервомотора осуществлялось по другим сетям, чем его блокировка. Узким полумесяцем открылась светящаяся щель и стала на глазах расти. Из неё дохнуло неожиданно свежим прохладным воздухом. По всем признакам энергии внутри подземелья «хватало» и на освещение и на вентиляцию. Коробов опасливо заглянул в расширяющуюся щель и увидел чёрный зев теряющегося в темноте коридора, освещённого

лишь у люка светом тусклой, мигающей лампы. В неверных тенях трудно было рассмотреть, сплошные ли стены или в них всё-таки есть двери. Вадим напряг зрение – очень уж хотелось, чтобы двери были. Ещё одного разочарования он не перенесет.

И в этот момент кто-то дёрнул его за штанину. Сердце Вадима ёкнуло, он отпрянул и увидел, как в открывшийся проём выпала мумифицированная рука трупа, лежавшего по ту сторону люка. Так сказать, привет из склепа – заходи, дорогой, гостем будешь. Как заворожённый, Коробов уставился на высохший труп в армейской форме. При ударе о бетонный пол остатки кожи с руки облетели, и косточки фаланг раскатились в разные стороны. Давненько, видимо, мертвец гостей поджидал.

Люк открылся уже наполовину, и когда Вадим оторвал взгляд от трупа, то увидел, что на внутренней стороне люка светится идентификационная пластинка с чётким отпечатком чужой руки, на котором просматривались все папиллярные узоры.

«Всё-таки действительно „привет из склепа“, – понял Коробов. – Вот кто люк мне сейчас открыл, правда, с опозданием для самого себя лет на пять-десять... Видно взрывы надземных сооружений базы повредили что-то в электронике, сместив в схеме какие-то элементы, и сколько покойник свою ладонь не прикладывал к анализатору, система не срабатывала. Так и умер у люка с поднятой рукой. Но вот пришёл некто Вадим Коробов, приложил свою ладонь к анализатору с другой стороны, тут-то зафиксированный отпечаток ладони покойника люк и открыл...»

«Да, но что же тогда здесь должно было произойти, чтобы человека на базе живьём замуровали?!» – запоздало поёжился Вадим. Ещё наверху его удивило, что базу ликвидировали словно в спешке. Обычно подобные сооружения с землёй так ровняют, что место бывшего расположения базы от девственной природы не отличишь. Впрочем, если базу ликвидировали в наше паскудное время, тогда всё понятно. Подумаешь, человека в бункере забыли! Его можно и на войну в Чечне списать – мало ли там солдат без вести пропало. А землю ровнять – дело кропотливое и денежное. Лучше штабному генералу дачу в Подмоскowie построить, чем в бесплодной степи деньги в землю закапывать.

Люк до конца так и не открылся. До сих пор бесшумно работающий сервомотор вдруг завизжал, заверещал, на поворотной оси затрещали электрические разряды. Затем что-то ухнуло, запахло горелой электропроводкой, и люк замер. Навсегда, как понял Коробов. И к лучшему. По крайней мере, не придётся опасаться, что стоит только войти в бункер, как люк за тобой закроется.

Забросив за спину рюкзак, Вадим аккуратно перешагнул через труп и тут увидел в левой руке покойника пистолет. А вот оружие вполне может пригодиться. Коробов нагнулся, брезгливо вытащил за ствол из руки мертвеца АПС, обтёр рукоятку о штанину и только тогда проверил обойму. Из двадцати патронов в обойме осталось шесть. Интересно, в кого стрелял покойник? Или он застрелился от отчаяния? Однако в себя четырнадцать пуль даже при огромном желании не выпустишь... Впрочем, над этим лучше подумать на досуге. Сейчас самое главное найти побыстрее какие-нибудь ящики, столы, стулья и, соорудив из них в тамбуре «этажерку», выбраться из бункера. Если повезёт, потом и вернуться можно. Дня так через три-четыре. Как ни противно называть вещи своими именами, но есть на заброшенной базе повод для мародёрства.

К приятному удивлению Вадима свет в коридоре автоматически зажегся по мере продвижения. В отличие от бетонного пола тамбура, коридор был застелен гладкими плиточными плитками, шаги по которым отдавались гулким эхом. Шаг – и свет впереди загорается; второй – позади гаснет. И эта «светомышка» радовала, поскольку Коробов не совсем представлял себе, как бы вслепую шарил в кромешной темноте в поисках подручного материала для сооружения пирамиды.

Дверей в коридоре было предостаточно – через каждые три-пять метров по обе стороны. Однако первые четыре двери оказались заперты на хитрые электронные замки, отрывающиеся магнитными карточками. Можно было конечно вместо магнитных карточек в качестве универсальной «отмычки» пустить в ход пистолет, но патронов было всего шесть. Поэтому Коробов решил вначале проверить, нет ли где открытых дверей, и лишь в случае неудачи тратить патроны. Мало ли что до того может случиться.

Первой открытой дверью оказалась где-то пятнадцатая-двадцатая. Вадим толкнул её плечом, дверь неожиданно распахнулась, свет за ней автоматически включился, и Коробов по инерции влетел в небольшую комнату, половину которой занимала громадная монолитная установка, поражающая обилием датчиков, кнопок и тумблеров на управляющей панели. Пять мониторов, установленных полукругом сверху, навели Вадима на мысль, что здесь находился либо телевизионный центр слежения за всеми уголками базы, либо пункт запуска баллистических ракет. Однако в это предположение никак не вписывались бинокляры, намертво вмонтированные в наклонную панель перед пустым креслом оператора. В микроскоп оператор рассматривал ракеты, что ли?

Вадим не стал ни гадать, ни включать рубильник на стене, чтобы проверить назначение установки. Не до праздного любопытства, когда есть хочется, а сайгак наверху может убежать. Он только подергал кресло, проверяя, можно ли его вынести в тамбур. Ничего не получилось – оно было наглухо приварено хромированными штангами к станине установки.

Разочарованно вздохнув, Коробов вышел в коридор и толкнул следующую дверь, с удивлением отметив, что на ней электронный замок отсутствует. Это и правильно – зачем в душевой, тем более такой маленькой, рассчитанной на одного человека, ставить столь сложный замок? Достаточно щеколды с обратной стороны.

Заглянув за дверь, Вадим усмехнулся. Щеколда имелась, а над ней красовалась странная надпись: «Берегите оборотную воду! Старайтесь, чтобы посторонние предметы не попадали в слив системы регенерации!»

Не будь этой надписи, Коробов точно бы уже ломился в следующие двери, поскольку в душевой кроме голых стен, вентиля воды и лёгкой стеклянной дверцы, разделявшей душевую на две половины, ничего интересного не было. Но тут словно бес дёрнул его за руку. А может, предчувствие – говорят, в экстремальных ситуациях оно обостряется и никогда не подводит. Как бы там ни было, но Вадим шагнул вперёд и повернул вентиль.

Ничего не случилось. Вода, на что в глубине души он надеялся, из душа не пошла. Вместо этого на одной из дымчатых плиток, ничем не отличающейся от окружающих её плиток кафеля, зажглась красная надпись: «Закройте дверцу кабинки!»

Вадим послушно закрыл. И тогда гусак душа задрожал, завибрировал, и из рассекателя, чихая и фыркая, хлынула ржавая вода.

Вид льющейся воды произвёл на Коробова ошеломляющее действие. Ничто не могло отвлечь его от единственного желания – выбраться из подземелья, разыскать раненого сайгака и добить его. Но вода... Пусть ржавая, тёплая, но ВОДА! В таком количестве...

Не мешкая ни секунды, он сорвал с себя одежду и забрался за стеклянную перегородку. В конце концов, пять минут задержки ничего не решат. Конечно, пробыл Вадим под душем гораздо больше. Казалось, целую вечность он не испытывал такого блаженства – максимум, что мог себе позволить дома, так это обтирание мокрым полотенцем. А тут... Море воды, океан дождя! Минуты через три-четыре ржавая вода сошла, и полилась свежая, чистая, прохладная. Кто сказал, что оборотная вода безвкусная, с запахом? Эх, не пил тот техническую воду, очищенную на цеолитах гидрошахты «Пионер»! Вадим просто-таки упивался водой, смывая с себя пот и грязь Каменной степи, выхаркивая из лёгких цементную пыль тамбура подземелья.

И всё же долго расслабляться Коробов себе не позволил. Дома ждала семья, которую нужно было кормить. Унизительное, надо сказать, положение для думающего интеллигента, когда ни почитать интересную книгу, ни заняться, к примеру, дотошным исследованием заброшенной военной базы, времени нет. Все мысли и дела направлены только на одно – где бы раздобыть хоть какую-то еду. И так изо дня в день.

Вадим быстро оделся, вылил, как требовала надпись на обратной стороне двери, химочищенную воду из пластиковой бутылки в сток системы регенерации, набрал свежей из душа. И продолжил поиски.

Только в конце коридора, тянувшегося метров семьдесят-восемьдесят, ещё одна дверь оказалась открытой. Почему-то в ней свет включился не мгновенно, как в душевой или комнате со странным аппаратом, и Коробов уже подумал, что здесь ему придётся шарить в полумраке. Однако секунд через десять светильники всё же натужно загудели, замигали и залили комнату мерцающим серым светом. То, что предстало глазам Вадима, произвело гнетущее впечатление. Здесь было нечто вроде небольшого армейского бара, в котором устроили погром. Осколки битой посуды усыпали пол, стойку бара, полки за стойкой. Один из двух лёгких пластиковых столиков был перевернут, рядом с ним валялось три стула. Второй столик стоял в углу, и на нём сохранилась странная сервировка: какие-то полупрозрачные судочки, больше похожие на огромные кюветы, с остатками пищи. Но не это заставило Коробова поёжиться. За столом, откинувшись на спинку стула, сидел высохший мумифицированный труп. Ещё два таких же трупа лежали на полу возле опрокинутого столика. Рыжие, выцветшие пятна на их полуистлевшей воинской одежде, змеящиеся трещинами дырки в плексиглазе музыкального автомата не оставляли сомнений, что здесь произошло. Сразу стало понятно, почему в пистолете мертвеца у входного люка осталось шесть патронов.

«Повеселились тут напоследок знатно», – вяло пронеслось в голове. Впрочем, не очень-то зацепили сознание Коробова перипетии в подземном бункере военной базы то ли пяти– то ли десятилетней давности. Он, наконец, нашёл то, что искал – столы и стулья. И был этому несказанно рад.

Чтобы не тратить отнюдь не лишнее время попусту, мотаясь туда-сюда от тамбура к бару и перетаскивая на себе столы со стульями, Коробов решил протащить по гладкому полу коридора сразу всю мебель. Он вынес в коридор стол, перевернул его вверх ножками, установил на него второй, а сверху взгромоздил три стула. Попробовал, как это сооружение скользит по полу, и остался весьма доволен. Затем, окинув взглядом мебель, вздохнул и вернулся в комнату за последним, четвёртым стулом, на котором восседал труп. Как ни претило прикасаться к мертвецу, но и этот стул следовало взять. Для пятиметровой пирамиды, которая позволит выбраться в пролом, он обязательно понадобится.

– Ты, мужик, извини, – сказал Вадим, взявшись за спинку стула. – Не хотел тебя тревожить, да никак не получится. А тебе, насколько понимаю, уже всё равно.

Переворачивая стул, он постарался как можно аккуратнее сбросить на пол высохший труп, но из этого ничего не вышло. Что поделаешь, не мягкое тело сползло, а кости посыпались. Остатки плоти и истлевшая одежда мгновенно обратились в облачко праха, и на полу очутился голый скелет. И как Коробов ни отводил от него взгляд, а сознание всё равно зафиксировало весьма необычный череп с тяжёлой нижней челюстью и громадными плоскими зубами. При жизни покойник, надо понимать, красотой не блистал и обладал весьма специфической внешностью. Вряд ли его девушки любили – может, потому и в бункер под землю полез...

Впрочем, Вадиму до прошлого покойника не было никакого дела. У него свои дела, и весьма неотложные. Он поднял стул и увидел, что рядом со скелетом на полу лежит магнитная карточка, которая, по идее, должна открывать здесь все двери. Вероятно, выпала из рассыпавшейся одежды. Весьма полезная вещь, и непременно пригодится, когда Коробов дня

через три-четыре сюда вернётся. Наверняка много интересного есть за закрытыми дверями. Может, и консервы найдутся.

Вадим нагнулся, поднял карточку и невольно вдохнул прах покойника. Будто кто молодого перца под нос сунул, таким огнём опалило носоглотку и лёгкие. Он закашлялся так громко и хрипло, что из глаз полились слёзы. И не переварись полностью в его желудке просяная каша с мясом суслика, она бы точно сейчас очутилась на полу. Нет, определённо есть что-то хорошее в пустом желудке. Так сказать, здоровое и полезное. Например, для данного случая.

Перхая, икая, кашляя, Вадим, шатаясь, выбрался из комнаты, достал из рюкзака бутылку воды и долго, сплёвывая, промывал горло. А когда немного полегчало, он вытер рукавом лицо, схватился за ножку нижнего стола и потащил мебель к выходному люку. Без особых раздумий и не испытывая ни малейшего желания хотя бы просто для проверки карточки открыть какую-нибудь из дверей.

И напрасно. Потому что, если бы он открыл последнюю торцевую дверь в коридоре, вошёл в хранилище, а там распахнул любую из тридцати всё ещё работающих холодильных камер, достал оттуда одну из заиндевевших кювет, счистил с неё иней и посмотрел сквозь прозрачную крышку, что находится внутри – он бы так просто из бункера не ушёл. Рано или поздно он бы вошёл в тридцать седьмую комнату, раскрыл какой-нибудь из лабораторных журналов и почитал. И вот если бы он и это сделал, тогда бы с базы точно не ушёл. Он непременно разыскал бы армейский склад, который находился в комнате девяносто два, вытащил оттуда как минимум три ящика тротила и взорвал бы вход в подземелье так, чтобы сюда никто никогда не смог попасть. И вот только тогда, тщательно проверив, насколько добротнo он замуровал себя в подземелье, пустил бы себе пулю в лоб. Шесть патронов в автоматическом пистолете Стечкина ещё осталось...

Но всё это если бы да кабы...

Любопытная всё-таки штука альтернативная история. Вот если бы Илюшка Ульянов женился на обыкновенной русской бабе, а не на полукровке-еврейке, то, может быть, и Великого Октября не было. Или кабы Романов Колька (который Второй) в детстве от инфлюэнцы скончался, может быть более просвещённый государь Россией правил и разбрoда в стране не допустил. Ну а если бы Йоська Джугашвили семинарию закончил да в попы подался, то, глядишь, никто бы и не знал, что такое ГУЛаг и как эта аббревиатура расшифровывается. Или же кабы Мишку Горбачёва мать в колыбельке удавила, как это сейчас делают другие матери, которым своих новорожденных детей кормить нечем... Либо кабы Борьке Ельцину вместо двух пальцев на левой руке «одну» голову оторвало... Ну чтобы тогда было?

А вполне возможно, что тогда припеваючи жил бы да был в своём домике Вадим Коробов с женой Антониной и сыном Константином и носа бы в Каменную степь не думал совать. И горя бы не знал.

Да беда только, что альтернативная история лишь в мыслях и на бумаге существовать может, а на практике всё как было, так и остаётся. Ничего изменить нельзя. Иначе бы никто уже не помнил, кто такие Илюшка с Колькой да Йоськой, и Мишка с Борькой...

И Вадим Коробов ни в какую бы историю не встрял.

Глава первая

– И занесла же меня к вам нелёгкая, Сан Саныч, – привычно ворча, Никита вошёл в бунгало, на ходу сбрасывая с плеч полиэтиленовую накидку. На джунгли сплошной стеной низвергался тропический ливень.

Старый доктор ничего не ответил – возился с пациентом. Маленький тщедушный негр – кожа да кости, да цветастая набедренная повязка – сидел на табурете и стоически переносил операцию без наркоза на своём плече.

Никита бросил взгляд на стол. Там, в лотке, лежали окровавленные корнцанг, скальпель и сплюснутая пуля. Сан Саныч как раз заканчивал операцию, зашивая рану обыкновенной суровой ниткой.

– Вот и всё, – удовлетворённо сказал он, обильно присыпал шов стрептоцидом и наклеил сверху суконную напёрстку. Бинтов в единственном на всю Центральную Африку российском отделении Красного Креста отродясь не было. Как и антибиотиков, и анестетиков. Как и всех других лекарств, кроме аспирина, анальгина, стрептоцида и йода. Впрочем, месяц назад не было и этого.

Негр никак не отреагировал. Сидел, безучастно уставившись куда-то в угол, и по его остановившемуся мутному взгляду легко угадывалось, что он вот-вот свалится с табурета на пол. Сан Саныч открыл пузырёк с раствором аммиака, поводит им у носа пациента. Негр дёрнулся, отчаянно замотал головой, замахал здоровой рукой. Попытался вскочить с табурета, но Сан Саныч его удержал.

– Кто этот пигмей? – спросил Никита. – Партизан?

Старый доктор только покачал головой.

– Неужели из правительственных войск? – не поверил Никита. – С каких это пор там в одних набедренных повязках щеголяют?

– Почему, если раненый, то обязательно вояка? – возмутился Сан Саныч. – Обыкновенный мирный житель из местного племени. Шальная пуля...

Он наклонился к пигмею и что-то спросил его на местном наречии. Негр зашептал в ответ, отрицательно мотая головой. Тогда Сан Саныч протянул ему конволюту аспирина и принялся втолковывать, что с ней надо делать. Негр внимательно слушал и кивал.

Никита подошёл поближе и известным международным жестом потёр в воздухе пальцами перед лицом пациента.

– Money-money? – встрял он в объяснения Сан Саныча.

– Отстаньте от него, Никита! – возмутился доктор. – Какие деньги? Мы – российский Красный Крест! А потом он не из посёлка, а из джунглей. Не понимает он, что вы хотите.

– Thank you, sir, – неожиданно проговорил пигмей, настороженно заглядывая в глаза Никиты.

Никита расхохотался.

– А вы говорите, не понимает! Хватит вам «за спасибо» лечить, а то сами скоро ноги протянете. Учитесь у американцев, они за такую операцию три шкуры с пациента сдирают. Ваш точно бы без набедренной повязки в джунгли вернулся.

Метрах в ста от бунгало Сяна-Сяна, как называли в посёлке Сан Саныча местные жители, находился палаточный госпиталь американского Красного Креста. В отличие от российского Красного Креста, чьё отделение существовало здесь ещё со времён Советского Союза, американцы развернули свой госпиталь два месяца назад в связи с эпидемией «тофити» – новым, неизвестным доселе заболеванием, вспышка которого неожиданно разразилась в Центральной Африке и унесла уже около двухсот жизней. После охватившего Соединённые Штаты СПИДа, американское здравоохранение тщательно отслеживало

вспышки как известных, так и неизвестных болезней по всему земному шару и реагировало мгновенно, направляя в эпицентр эпидемий исследовательские группы. Так было несколько лет назад с эпидемией лихорадки Эбола, так было и сейчас с «тофити». Рациональные до мозга костей американские медики были согласны бесплатно лечить заражённых «тофити», поскольку одновременно проводили на них исследования по созданию антивирусной вакцины. Всех же остальных пациентов, страдающих другими заболеваниями, они обслуживали исключительно за деньги. И немалые.

– Стыдитесь, Никита! – перешёл на менторский тон Сан Саныч. – У американцев какое оборудование, какие препараты! А вы мне что доставили с новой родины? Аспирин да анальгин с просроченными датами использования? И это впервые за десять лет!

– Я же вам говорил, что остальные лекарства находятся на складе в консульстве, – отводя взгляд, пробормотал Никита. – Скоро их доставят...

– Месяц уже прошёл, как вы здесь – и где они? – досадливо махнул рукой Сан Саныч. – Знаю я вашего консула как облупленного! Всё на сторону пойдёт.

– Привезёт, куда не денется... – неуверенно пообещал Никита.

Он уже и сам сомневался, что сопровождаемые им из России медикаменты попадут по прямому назначению. Небольшую часть он привёз сразу, а основной груз консул уговорил оставить пока на складе, аргументируя своё предложение плохими дорогами, отсутствием у него транспорта и военным положением в стране, когда такой груз могут конфисковать как правительственные войска, так и мятежники. Насчёт дорог и транспорта консул оказался прав – двенадцать часов старый, разбитый «лендровер» вице-консула, буксуя, натужно ревя, то и дело застревая в грязи размытой тропическими ливнями грунтовой дороги, добирался к месту назначения. А вот в отношении возможной конфискации груза консул врал безбожно. Военные патрули противоборствующих сторон, увидев документы Красного Креста, беспрепятственно пропускали груз, даже не досматривая его на предмет провоза оружия. Наивные люди, дети джунглей. Похоже, и война для них была чем-то вроде развлечения.

– Как же, привезёт, – продолжал бурчать Сан Саныч. – От него дождёшься... Он ведь из новых, как вы. Ничего, кроме денег, для него не существует. Всё продаст.

В это время пигмей тихонько встал с табурета и быстренько вышмыгнул из бунгало.

– Стой! – закричал ему в спину Сан Саныч. – Куда!?

– Да пусть идёт, – махнул рукой Никита. – Когда вы, наконец, поймёте, что как платят, так и лечить надо.

– Что значит – пусть идёт? – сурово нахмурил брови старый доктор. – Я его просил, чтобы ливень переждал. Теперь его через пару дней соплеменники на носилках с гнойной раной принесут. Хорошо, если не гангренозной... А потом, что значит, не платят? Едите вы здесь за чей счёт? От вашего нового правительства я за десять лет и гроша ломаного не получил.

– Натуральный обмен... – хмыкнул Никита. – Вы их лечите, они вас кормят. Почти как при коммунизме.

– Много вы знаете про коммунизм! – сварливо огрызнулся Сан Саныч.

– Да уж побольше вашего, – не остался в долгу Никита. – Вас почти сорок лет в стране не было, а я при так называемом развитом социализме пожил.

– Это вы-то пожил?! Что вы вообще в то время видели и понимали? – оседлал своего любимого конька старый доктор. – Наверное, ещё школу не закончили, когда власть в стране поменялась!

Сан Саныч не совсем угадал. Был тогда Никита студентом, но знать об этом доктору не следовало – какое такое студенчество, когда по документам Никита проходил рядовым санитаром? Ну, может, не совсем рядовым – обыкновенному санитару так просто не доверят сопровождать медицинский груз, а затем ещё три месяца стажироваться в российском

отделении Красного Креста в Центральной Африке. Но на этот случай у Никиты была хорошая «легенда» – секретарша в Московском отделении, якобы по большой взаимной любви состряпавшая ему денежную командировочку в Африку. Для большей убедительности от неё раз в три-четыре дня приходили любвеобильные письма, которые Никита по рассеянности оставлял то здесь, то там. Кстати, письма приходили с завидной оперативностью – через три дня после отправки из Москвы. Как это может происходить в стране, где идёт гражданская война, международный аэропорт закрыт на карантин, а добираться по джунглям до бунгало Сан Саныча даже на машине не меньше двенадцати часов, Никита не понимал. Тем более что в России, где пока не было ни гражданской войны, ни карантина, письмо из Москвы в Подмоскowie шло как минимум неделю. Но здесь было так. Сан Саныч из природной деликатности «забытую по рассеянности» чужую корреспонденцию никогда не читал, но не только на него была рассчитана эта уловка. Однако, чем дальше, тем больше Никита убеждался, что его особа здесь никого не интересует, а тем более «забытые» где ни попадя письма. Кажется, из его миссии в эпицентр эпидемии «тофити» выходил сплошной пшик.

Напрасно Никита завёл со стариком разговор на политические темы. Сан Саныча хлебом не корми, а дай поговорить о том, как раньше было хорошо, а сейчас – плохо. Знал он о переменах в России только понаслышке, но на всё имел собственное мнение. Почти сорок лет он безвыездно провёл в Африке, колеся по всему континенту под флагом Красного Креста, и о состоянии в родной стране судил только по газетам да всё ухудшающимся поставкам медицинского оборудования и препаратов. «Не въездным» в Советский Союз сделали его не политические взгляды, а экзотическая неизлечимая экзема, подхваченная где-то в Алжире ещё в шестидесятые годы. Когда же лет через пятнадцать выяснилось, что заразиться от него экземой практически невозможно, он уже и сам не захотел уезжать. Родных у него в Союзе не осталось, к тому же за это время он превратился в настоящего трудоголика, ни дня не мыслящего себя без медицинской практики. Да и в Москве не настаивали на замене: богатейший опыт работы в Африке помноженный на неподдающуюся сомнению лояльность сделали его незаменимым специалистом. Когда же в Африке из-за отсутствия субсидий одно за другим стали закрываться отделения Красного Креста Советского Союза, и все сотрудники покинули континент, Александр Александрович Малахов остался. Остался здесь, на месте своего последнего назначения, то ли доктором, то ли знахарем, то ли колдуном. Наверное, и тем, и другим, и третьим, поскольку нужда заставила лечить людей как традиционными, так и народными методами. Пару раз с медикаментами ему помогла католическая миссия, один раз что-то перепало от Армии спасения, кое-что иногда поступало из международного центра Красного Креста. Однако всё это были крохи. В основном приходилось пользоваться больных местными травами, настойками, иглоукалыванием, несложными хирургическими операциями. Поэтому в своих политических воззрениях старый жилистый доктор основывался на наивных постулатах: если при Советском Союзе он мог помочь больному, а сейчас, когда все зарубежные филиалы бывшей сверхдержавы перешли под юрисдикцию России, – нет, значит, Россия с её политикой не государство, а дерьмо. Во всевозможных с этим словом сочетаниях. И костерил старый доктор новую родину и в хвост, и гриву.

Никита слушал его вполуха – за месяц пребывания в джунглях он выучил все предложения Сан Саныча чуть ли не назубок. Надоели они ему хуже горькой редьки, однако виду не показывал. Как и положено санитару, молча убрал стол, вымыл инструменты, уложил в стерилизатор и поставил его на бензиновую горелку.

– Полноте, Сан Саныч! – наконец с укоризной сказал он. – Я, наверное, в пятый раз слышу, как вы самоотверженно и бескорыстно трудились в Сомали во время засухи. Только времена-то переменились, и за просто так сейчас никто ничего не делает.

Он вынул из заднего кармана шорт плоскую бутылку виски и поставил на стол.

– И вот тому лишнее доказательство. – Никита с хитрой улыбкой подмигнул доктору.

Сан Саныч разулыбался – как и любой практикующий врач он был не против пропустить рюмку-другую. Так сказать, для профилактики.

– Опять у американцев уколами подрабатывали? – спросил он.

– Само собой. Что умею, то продаю. Умею уколы делать – так почему это умение не продать? Тем более, что у американцев рук не хватает. Вы-то больных «тофити» не лечите...

– Занесёте мне ещё эту заразу... – сокрушённо покачал головой Сан Саныч, однако в его взгляде не было и тени тревоги.

– Никак нет, – бодро парировал Никита, освобождая плод манго от косточки и нарезая мякоть в чистый поддон. – Главврач госпиталя доктор Брезенталь утверждает, что радикальнее средства, чем алкоголь, от «тофити» не существует. Ни один из алкоголиков в посёлке не заразился.

Доктор поставил на стол две мензурки, придвинул поближе плетёные кресла, и они сели. Никита свернул с бутылки пробку, налил в мензурки на два пальца. Сан Саныч потянулся было к мензурке, но неожиданно хмыкнул, отвернулся, взял с манипуляционного столика иглу от шприца и протянул Никите.

– Что, опять?! – возмутился Никита. – Где?

– Левая рука. Возле локтя.

Никита посмотрел. У локтя на руке виднелась небольшая, чуть больше сантиметра, покрасневшая припухлость – древесная пиявка почти полностью успела внедриться под кожу, и наружу торчал лишь кончик плоского зеленовато-коричневого хвостика.

– Осторожнее извлекайте, – посоветовал доктор. – Не спешите. Если хвостик обрвётся, мне придётся скальпелем орудовать.

– Да знаю я! – огрызнулся Никита. – Учёный... Всё тело в шрамах... – Он примерился, проткнул хвостик паразита иглой и начал потихоньку вытягивать его из-под кожи. – И почему вас пиявки не кусают?

– Это не пиявка, а нематода, – ушёл от прямого ответа Сан Саныч. – Вы пьёте мой отвар?

– Пью... А толку? Сами видите...

– Отвар не от нематод, а от их личинок, если нематоды оставят в вас яйца. Или вы хотите заболеть бледной немочью?

– Африка... – распаяясь, раздражённо бурчал Никита. – Экзотика... Жара пополам с проливными дождями... Духота, полчища насекомых, змей, крыс... Романтика!.. У меня такое впечатление, что все исследователи Африки... начиная с Ливингстона... были либо сумасшедшими... либо у себя дома... в Европе, Америке или где там ещё... с детства жили в трущобах, где тоже насекомые, крысы и змеи кишмя кишели... Иначе откуда такие восторги... охи-ахи... по Африке?.. Признайтесь, доктор, вы тоже в подвале родились с крысами, клопами в вшами? А?.. Вот!

Никита наконец извлёк нематоду из-под кожи и торжественно протянул иглу доктору. Сан Саныч нацепил на нос очки, внимательно рассмотрел паразита.

– Молодец! – похвалил он Никиту. – Научились вытаскивать целиком. Кстати, Ливингстон тоже был врачом, и именно он является первооткрывателем Центральной Африки.

– Лучше бы он её закрыл. Вместе с нематодами.

Никита окунул кончик платка в мензурку с виски, протёр ранку, а затем замазал её клеем БФ.

– Всё. – Он поднял мензурку. – Как это там говорится: не пьём, а лечимся?

– Нет, – покачал головой Сан Саныч. – Поехали.

И по-русски, одним махом, опрокинул в себя виски. Иных тостов, кроме «гагаринского», он не признавал. Этот тост был тем единственным светлым пятном, которое ещё

признавали в мире за заплёванным, затоптанным всеми и вся социализмом. А для старого доктора это было всё, что осталось от его родины.

Никита тоже выпил, зажевал долькой манго.

– Кто-то идёт, – вдруг сказал доктор.

Сквозь беспрерывную канонаду тропического ливня по крыше бунгало Никита ничего не смог расслышать, но Сан Санычу верить стоило. Научился он у местных жителей дифференцировать звуки, причём до такой степени, что угадывал шаги знакомых людей.

– Кто? – спросил Никита. – Новый пациент?

Несколько мгновений Сан Саныч молчал, затем ухмыльнулся.

– Нет. Ваш «закадычный» друг. Стэцько.

– Ох... – застонал Никита и схватился за голову.

Стэцько Мушенко был его головной болью. По убеждениям – ярый украинский националист, по призванию – вечный рейнджер. Коренастый, мрачный мужик лет сорока, с одутловатым лицом, вислыми усами запорожского казака, большим пористым носом и маленькими глазками, в которых навсегда застыли недоверчивость и подозрительность. Во всех бедах мира туповатый рейнджер винил исключительно Москву и поэтому где только было можно пресекал «гегемонистические» поползновения «москалей» с автоматом в руках. Три года он провоевал в Чечне против российских войск, а затем непонятно почему завербовался в Центральную Африку. Никак иначе и здесь отстаивал «нэзалэжність» нэньки Украины от России. Языков, кроме своего родного, украинского, он не признавал, да, похоже, по природным данным и не был способен к обучению. Поэтому служить в Африке ему было туго. В бунгало Сан Саныча он приходил где-то раз в неделю, но тянула его сюда отнюдь не тоска по родине или возможность перебраться с братьями-славянами парой фраз, а нечто совсем иное. Сам вид российских медиков доставлял ему садистское удовольствие, подпитывая огонь затухающей в Африке ненависти к «москалям». Этакий запущенный клинический случай сверх обострённой националистической паранойи.

К Сан Санычу Стэцько относился более-менее снисходительно: время изрядно потрудились над старым врачом – морщины, потемневшая, задубевшая в тропиках кожа, курчавые седые волосы делали его похожим на аборигена. А вот Никиту, на круглом лице которого будто стояла печать чистокровного «русака»: голубые глаза, русые волосы, нос картошкой – Стэцько ненавидел лютой ненавистью. Не помогла и придуманная Никитой на ходу «сказка», что его мать была чистокровной украинкой. Эта «новость» наоборот подлила масла в огонь. «Эч, москали, як наших дивчат паскудять!» – заключил Стэцько, и впредь Никиту иначе как «шпыгун» или «пэрэвэртэнь» не называл.

Приходил Стэцько обычно во время тропического дождя, лившего словно по расписанию с двенадцати до двух часов дня, приносил с собой литровую бутылку технического спирта, практически сам её выпивал, изредка, наверное, для куража, наливая российским медикам, а уходил, как только дождь прекращался. Разговор между тремя славянами получался тяготный, пустой и тоскливый. Трудно разговаривать с человеком, который видит в тебе прежде всего мишень.

Когда Никита поинтересовался у Сан Саныча, почему Стэцько приходит только в дождь, он услышал любопытную информацию, в которую вначале не поверил. Оказывается, военные действия здесь велись строго по графику: с восьми утра до двенадцати, а затем с двух до пяти вечера. Так сказать с перерывом «на обед» на время ливня. При этом график соблюдался строго и неукоснительно, будто рабочее время на предприятии. Ни капли не веря этому, Никита изволил пошутить: «А как профсоюз смотрит на штрейкбрехеров?», на что Сан Саныч Малахов лишь пожал плечами. Однако со временем Никита убедился в правдивости слов доктора. Действительно, эхо автоматных очередей раздавалось только в указанные часы. «Та-та-та-та!» – дятлом стучал автомат правительственных войск. «Та-та!» –

отвечал ему автомат мятежников. И сразу было понятно у кого патронов больше. Видимо и платили за «работу» строго по часам, потому что Стэцько неукоснительно соблюдал воинскую дисциплину и никогда не позволял себе задерживаться после окончания «обеденного перерыва». Оно и к лучшему – даже двух часов его пребывания в российском отделении Красного Креста хватало, чтобы в бунгало до самого вечера царил тягостная атмосфера.

Никита непроизвольно бросил взгляд на часы и удивился.

– Однако наш «приятель» сегодня не пунктуален, – кисло усмехнулся он. – Без двадцати два. Может, что-то случилось?

Сан Саныч равнодушно пожал плечами. Долгая врачебная практика приучила его относиться ко всем людям как к потенциальным больным. Всех он жалел и привечал. К тому же жизнь в Африке сделала из него многопрофильного специалиста: поневоле приходилось быть и стоматологом, и окулистом, и хирургом, и дерматологом, и акушером... Единственной врачебной профессией, которой он здесь не овладел, была, пожалуй, специальность психотерапевта. А Стэцько Мушенко нуждался именно в таком специалисте, почему и не вызывал у Сан Саныча естественного для врача сострадания. Впрочем, может ещё и потому, что случай был запущенный и безнадежный.

Мушенко появился в проёме двери как маньяк в фильмах ужасов. Без обычной плащевой накидки, в насквозь мокрым камуфлированном комбинезоне он стоял, раскорячившись, вцепившись руками в притолоку, и, покачиваясь, обводил комнату мутным диким взглядом. На шее болтался югославский автомат «застава», из надколенного кармана торчала открытая бутылка спирта. Очевидно, не первая, потому что обычно, оприходовав в бунгало свой литр, Стэцько выглядел вполне сносно. Сейчас же Стэцько был пьян «в дым».

– Здравствуй, Стэцько, – ровным голосом сказал Сан Саныч. – Что стал в дверях? Проходи.

Он пододвинул к столу третье плетёное кресло.

Никита только кивнул. Чтоб не накалять обстановку лишними словами.

Мушенко ещё немного покачался, затем с натугой выдавил из себя:

– Сыдытэ, гады... Москали...

Он наконец оторвал руки от притолоки, грузно прошёл к столу и упал в кресло.

– Сыдытэ... А там людэй вбывають! – с надрывом выкрикнул он, выхватил из надколенного кармана бутылку и отхлебнул.

– У тебя друг погиб? – спросил Сан Саныч.

– Братку мого вбылы... Ридного! – сорвался на крик Стэцько, обводя российских медиков сумасшедшими глазами, будто именно Сан Саныч с Никитой были повинны в смерти его брата.

– Что поделаешь, война... – сочувственно вздохнул Сан Саныч.

– Яка там вийна?! – ошалел было Стэцько, но вдруг сник, повесил голову. – У ридному сели вбылы... Сёдни лыста з дому одэржав... – Он достал из кармана мокрый конверт, тупо посмотрел на него и снова спрятал. – Пыячили вони з сусидою... тэ, нэ тэ... Щось миж собою нэ подилылы... Ну й сусида братку мого... зарубав. Сокрыю¹...

Он поднял глаза и увидел на столе две пустые мензурки. Нетвёрдой рукой плеснул в них спирт, ожёг медиков яростным взглядом и сипло приказал:

– А ну, пийте, москали, за упокой души мого брата! Ну?!

Губы Сан Саныча чуть дрогнули в беззвучном шёпоте, и он спокойно, не торопясь, выпил. Умел пить старый доктор чистый спирт.

¹ Топором (укр.).

Никите показалось, что по губам он угадал короткое напутствие Сан Саныча брату Стэцька, однако сам экспериментировать не стал. Противно было ощущать себя униженным, но из роли обыкновенного санитара выходить не стоило. Пока, по крайней мере.

– Земля ему пухом... – пробормотал он и тоже выпил. Спирт мгновенно высушил горло, Никита заперхал, закашлялся; давясь, проглотил дольку манго.

По мрачному лицу Стэцька скользнуло нечто вроде сурового удовлетворения. Он приложился к горлышку бутылки, запрокинул голову и всосал в себя остатки спирта подобно Мальстрёму. С гулом в лужёной глотке и «водоворотом» в бутылке. Пару секунд Стэцько сидел неподвижно, затем издал нечто вроде сиплого рыка, метнул пустую бутылку в стену, вскочил, как ошпаренный подбежал к открытой двери и стал палить из автомата в небо.

Когда патроны в рожке закончились, он обернулся и, потрясая автоматом, прорычал:
– Оцэ б и вас так, москалив... Усих разом...

И выскочил вон.

И буквально сразу дождь в джунглях прекратился. Будто кто пробку в небесах заткнул. Никита прокашлялся, положил в рот ещё одну дольку манго.

– Похоже, до конца командировки мне не дожить... – раздумчиво проговорил он, ощущая, как пьяная дурь спирта затуманивает сознание.

– М-да, – то ли согласился, то ли просто отпустил междометие Сан Саныч. – И чего вы все так в Африку рвётесь? Дома бы со своими проблемами вначале разобрались...

– Кто – вы?

– Что значит, кто? – вскинул брови доктор. – Вы, Стэцько. Как я понимаю, дома у вас сейчас нечто вроде мясорубки, а вы ещё и сюда свои проблемы тащите...

– Насчёт мясорубки это, конечно, сильно сказано, – хмыкнул Никита, – но и со здешней войной не сравнить. Каковы, например, здесь военные потери за два месяца? Отвечаю – по данным ООН двадцать шесть человек с обеих противоборствующих сторон. Из них семнадцать раненых. Так что здесь рай по сравнению с криминальной стрельбой в России. Ну разве что за эти два месяца двести человек от эпидемии «тофити» скончалось, так это уже по другой статье проходит.

– Знаете что, Никита, я вам на это отвечу? Покушайте хорошенько, – неожиданно посоветовал Сан Саныч, выкладывая на стол лепёшки и вяленое мясо. – А то смотрию, охмелели вроде, чушь нести начинаете.

– Может, и охмелел, – согласился Никита, отламывая кусок лепёшки и следуя совету доктора. Однако его всё же понесло: – Но вы меня со Стэцьком в один общий дом не сажайте. Разные у нас дома – Россия и Украина. Знаете, что он первым делом сделает, когда к себе, на Украину, вернётся? Нет? Так я вам скажу. Пойдёт «до сусиды» и... И напьётся с ним вдрызг. И будет потом с ним песни орать, и планы строить, как «клятым москалям» за брата отомстить, поскольку это они виноваты, это всё их козни, что «сусида» на брата топор поднял. Вот.

– Кушайте, кушайте, – увещевал Сан Саныч. – Хотите, я вам кофе сварю?

Никита замолчал.

«Что-то я расклеился, – подумал он. – Ну что мне стоило этому законченному националисту шею свернуть? В один момент. Причём сделать это так, что и доктор бы ничего не заподозрил. Однозначно решил бы, что исключительно в целях самообороны...»

– Кофе? – переспросил он и кивнул. – Кофе буду.

«Прав доктор, чушь ты городишь... – продолжало крутиться в голове. – И на словах, и в мыслях. Если шею Стэцьку свернуть, тогда на своей миссии можно ставить жирный крест. А это плохо, несмотря даже на то, что результаты расследования, похоже, ничего положительного не выявят. Конечно, отрицательный результат – тоже результат, но точку пока ставить рано...»

Кофе пили на веранде. Никита взял себя в руки, насухо вытер стоящий там столик, вынес плетёные кресла. Бунгало построили в чаще джунглей лет пятнадцать назад в пятистах метрах от деревни – ближе запрещало табу. Сейчас, когда знахарь Сяна-Сяна стал для жителей деревни как бы своим, можно было перенести бунгало и поближе, но у доктора Малахова не было на это ни средств, ни, честно говоря, желания.

Кофе пили молча – парная духота джунглей, окружавших бунгало со всех сторон, не располагала к разговорам. Мерный рокот тропического ливня сменился дикой какофонией всего живого. Джунгли, свиристы, душераздирающе орали, замогильно ухали, абсолютно заглушая шелест капли с полого леса после недавнего дождя. Изредка издали доносились стрекотание автоматов. Свайная постройка в какой-то степени защищала от нашествия змей и грызунов, но от насекомых спасения не было. Никита то и дело щелчком сшибал со стола крупных, наглых жуков. Впрочем, сшибал машинально, больше по привычке – месяц, проведённый в джунглях, позволил более-менее адаптироваться к необычным условиям, и таракан в супе уже не шокировал его.

Следующим за пигмеем и Стэцком визитёром был посыльной из деревни. Он принёс свежие новости и корзинку с провизией – своего рода паёк знахаря, ежедневно передаваемый сюда старостой. Провизию – жареных цыплят, лепёшки, фрукты – Никита попробовал сразу, а новости узнал чуть попозже, когда посыльной ушёл. Говорили они с Сан Санычем на местном наречии, которого, естественно, Никита не знал.

– Ещё двоих из деревни госпитализировали, – вздохнул доктор, доставая из корзинки цыплёнка. – Кстати, почтальон заболел, так что не ждите скоро писем. А по моему профилю вроде бы больных нет... Либо и они к американцам подались.

Он положил цыплёнка в глиняную миску, оторвал ножку, но есть не стал. Внимательно, чересчур внимательно посмотрел в глаза своему санитару и вдруг предложил:

– Никита, а как вы смотрите на то, чтобы мы ещё по пять капель? Так сказать, для профилактики? Вам не повредит?

Вообще-то доктор пил мало – мензурку-другую в день, не больше. Но видно сильно зацепило его профессиональную гордость то, что, не взирая на его умение, знание и долготную практику, местные жители предпочли обращаться к новоявленным докторам.

– Ну что вы, доктор! Нисколечко! Вы же сами знаете... Это технический спирт мой организм не переносит, а доброкачественный продукт принимает за милую душу!

Никита сходил в бунгало, принёс оставшееся виски и мензурки, и они выпили.

– Подобный случай у меня в Нигерии был, году так в семидесятом... – начал одну из своих бесконечных историй Сан Саныч, с аппетитом закусывая. – Там тоже какая-то эпидемия была, уж и не помню точно. Да... Так вот, стояли наши госпитали рядом. То есть наш, советский, и французский. Мы, естественно, с утра до ночи пациентов принимаем, и с ночи до утра их обслуживаем. То есть, как и положено, круглые сутки, и, само собой, бесплатно. А французы нет, французы не так работали. Только днём, с восьми до четырёх, и исключительно за деньги. Да... Так вот, самое поразительное и обидное для нас, знаете, что было? Отношение местных жителей. Нас, поскольку мы с пациентами как прислуга нянчились, они за людей не считали. Так, низший сорт. А к французам с уважением относились, при встрече кланялись, господами называли. А как же иначе? Люди себе цену знают, значит, настоящие доктора! Не то, что эти, которые за всеми судна выносят... Да...

Сан Саныч задумался. И задумался настолько глубоко, что следующего визитёра первым услышал, точнее, увидел Никита. Хотя и услышать его тоже было не мудрено – грузный мужчина в плащевой накидке с баулом в руках пробирался сквозь заросли со стороны американского госпиталя с неуклюжестью слона. Так по джунглям мог ходить только белый человек.

– Сан Саныч, к нам гости! – вывел доктора из состояния задумчивости Никита.

Сан Саныч оглянулся и несколько мгновений разглядывал незнакомца.

– Американец... – определил он. – Вынесите-ка, Никита, ещё одно кресло. Да, и приберите, пожалуйста, на столе, а то насвинячили, неудобно как-то...

– Ну поня-ятно! – с сарказмом протянул Никита. – Кто мы, а кто они? Как это вы только что о Нигерии рассказывали – гос-по-да...

Однако просьбу доктора исполнил.

К тому времени человек уже выбрался из джунглей на полянку перед бунгало и стоял, тяжело переводя дух. Был он тучный, рыхлый, по всему видно страдал явно выраженной одышкой, и поход по джунглям дался ему с трудом.

– Ба! Доктор Киллигру! – приветствовал его Никита. – Добрый день. Какая судьба? Гулять?

Английский язык Никита знал хорошо, но специально коверкал его, низводя свою речь до инфинитива. Иначе, что это за санитар такой, который владеет английским в совершенстве?

– Добрый день, доктор Сяна-Сяна! – задрал голову доктор Киллигру. – Добрый день, Никита!

– Здравствуйте, Джон! – ответил на приветствие Сан Саныч, вставая с кресла. – Поднимайтесь к нам.

– Вы знакомы? – с удивлением посмотрел на Малахова Никита. Насколько он помнил, Сан Саныч ни разу в американский госпиталь не ходил.

– Да. Когда они госпиталь разбивали, все со мной перезнакомились. Ну а потом... Сами понимаете...

Доктор Киллигру, волоча странный баул, похожий на сосуд Дюара, с трудом взобрался по лестнице на веранду, пожал хозяевам руки.

– Будьте гостем, Джон, – сказал Сан Саныч. – присаживайтесь.

– Спасибо.

Доктор Киллигру сбросил плащевую накидку на перила веранды, поставил у ног «дюар», тяжело плюхнулся в кресло и, отдуваясь, принялся вытирать лицо платком.

– Ну и дебри, – оправдывался он. – Лучше три мили по шоссе пройти, чем триста футов по джунглям!

– Какими судьбами к нам? – поинтересовался Сан Саныч, тоже присаживаясь и в точности повторяя вопросы Никиты, только на правильном английском. – По делу, или просто гуляли?

– И то, и другое... – доктор Киллигру перевёл дыхание и весело закончил: – И третье!

Сан Саныч, деликатно заломив бровь, вежливо ждал продолжения. В общем, повёл себя так, будто находился на каком-то светском приёме в высшем обществе. И будто вокруг не дикие джунгли, а по меньшей мере зал Вестминстерского дворца, а сам он не в застиранном камуфляжном комбинезоне явно с чужого плеча, а во фраке.

Никита сел. Похоже, разговор предстоял интересный.

– Так... – Доктор Киллигру довольно хлопнул себя ладонями по коленям. – Погулять я уже погулял. Теперь второе. Как вы, наверное, знаете, почтальон в деревне заболел...

Никита с Малаховым дружно кивнули.

– Поэтому в получаемую нами корреспонденцию попало вот это письмо. – Доктор Киллигру вынул из нагрудного кармана рубашки конверт и протянул Малахову. – Адрес здесь ваш, доктор Сяна-Сяна, правда, имя получателя другое, но тоже японское. Думаю, это лично вам.

– Как? – безмерно удивился Сан Саныч, принимая конверт.

– Хуките. Там так написано.

Сан Саныч посмотрел на адрес, прочитал и расхохотался. Куда только его «светскость» подевалась.

– Держите! – протянул он конверт Никите. – Это вы у нас японец. Пусть зазноба в следующий раз пишет ваше имя по-английски. А то придётся мне вам хирургическую операцию век делать, чтобы на японца не только именем были похожи.

Сконфуженно улыбаясь, Никита взял конверт. Несуществующая «язноба» специально писала адрес по-английски, а его имя и фамилию по-русски. Для большей достоверности. А какой ещё уровень образованности может быть у любимой девушки российского санитаря? Ясно, какой – вот такой!

В соответствие этому уровню поступил и Никита.

– Извините, – пробормотал он, тут же вскрыл конверт и принялся бегло читать. Опять в письме ничего не было. Сплошная пустота с охами-вздохами, признаниями, клятвами, девичьими (а какими же ещё, если «язнобу» Никита и в глаза не видел?) мечтами. И не одной ключевой фразы. Собственно, другого письма он и не ожидал. От него в Москву тоже пока шли подобные «пустышки».

– Извините, – повторился Никита и, изобразив на лице глупую улыбку, спрятал письмо в конверт.

Два доктора вежливо ждали, пока он закончит читать, и разговоров не вели.

– Ничего, ничего, – мягким, понимающим тоном проговорил Сан Саныч. – Дело молодое... Ну а что у вас, Джон, за третье дело? – обратился он к доктору Киллигру.

– А третье дело у меня вот какое... – Американец нагнулся к баулу-«дюару», снял крышку.

Естественно, что не жидкий азот там находился, но тоже нечто холодное. С торжественным видом доктор Киллигру выставил на стол литровую бутылку виски и такую же бутылку тоника.

– Лёд пока не вынимаю, – сказал он. – Растает. Будем доставать по мере необходимости.

– Хм... – только и сказал Сан Саныч, вновь заломив бровь и превратившись в чопорного джентльмена.

– Понимаю вас... – несколько смущённо проговорил американец. – Всё это несколько неожиданно... Дело в том, что у меня сегодня удачный день и надо бы эту удачу отметить. Но все мои коллеги сейчас заняты, работают, не покладая рук... А тут как раз эта оказия с письмом. Дай, думаю, доброе дело сделаю и заодно радостное событие отмечу. Надеюсь, вы не против?

– И что же за удача вас посетила, если не секрет?

– Какие могут быть секреты между врачами! – заулыбался доктор Киллигру, весьма довольный, что его предложение, пусть и завуалировано, но приняли.

– Открыть вакцина против «тофити»? – встрял в разговор Никита.

– Что вы, молодой человек! – рассмеялся американец. – Когда такое случится, весь наш госпиталь плясать будет! Моя удача несколько иного порядка. Так сказать, маленькое открытие на промежуточном этапе. Мне удалось идентифицировать вирус и его носителя.

– Переносчика? – попытался поправить Сан Саныч.

– Нет, пока именно природного носителя. – Доктор Киллигру с сожалением развёл руками. – С переносчиком несколько сложнее. То есть сейчас уже точно установлено, что вирус передаётся только контактным способом между людьми через кровь. Но как он попал к человеку от гориллы? Ума не приложу...

– От гориллы?

– Да. Этот вирус в лизогенной форме существует в крови гориллы без каких-либо последствий для её организма. Ну а в крови человека он переходит в инфекционную форму, которая и вызывает болезнь «тофити».

– Вы уже ознакомили со своим открытием медицинскую общественность? – поинтересовался Сан Саныч.

– О, да! Ещё два часа назад я связался через спутник с нашим исследовательским центром по проблемам вирусологии во Флориде и передал информацию.

– Так в чём тогда дело? – по-русски сказал Никита и простецки потянулся за бутылкой виски. – Ваше открытие надо обмыть!

– Что вы сказали? – спросил американец.

– Пить твой открытие! – объяснил Никита по-английски.

– О, да, да! – воссиял счастливой улыбкой доктор Киллигру и вытащил из «дюара» пластиковый пакет со льдом.

Пили, естественно, из мензурок. Сан Саныч пил чистое виски со льдом, а Никита с доктором Джоном разбавленное с тоником. Никита нарезал ананас, но к нему никто не прикоснулся.

Отхлебнув из мензурки, доктор Киллигру расплылся в довольной улыбке и начал разглагольствовать, что очень плохо, когда ближайший цивилизованный бар находится как минимум в пятистах милях, а ему, как научному сотруднику, ну просто край необходимо иногда расслабиться, причём не среди своих коллег, с которыми столько всего говорено-переговорено, что ничего нового не услышишь, а вот так, как сейчас, пообщаться с посторонними людьми, окунуться в иной мир... Это очень помогает в работе. Иногда нетривиальное суждение абсолютно незнакомого человека может подсказать любопытный ход в научных исследованиях...

Никита слушал американца, кивал, где надо поддакивал, а сам, тем временем, решал непростую задачу. Насколько искренен американец? Слишком всё хорошо получается – прямо как на блюдечке с голубой каёмочкой для его расследования этот визит доктора Киллигру. Почти месяц Никита кругами ходил вокруг американского госпиталя, подрабатывал там санитаром, делая больным уколы и вынося за ними судна... А сам тем временем прислушивался, приглядывался, пытаюсь выяснить, если ли среди персонала сотрудники ФБР или ЦРУ, и насколько работа американских медиков в эпицентре эпидемии «тофити» носит секретный характер. Но никто от него ничего не скрывал, ни одного человека, мало-мальски похожего на секретного агента, он не выявил. Однако чтобы вот так, в непринуждённой обстановке, свободно поговорить о «тофити», случая в госпитале не представлялось. Поэтому и казался Никите визит доктора Киллигру несколько подозрительным. Но такую точку зрения можно было считать предвзятой, поскольку он рассматривал появление доктора Киллигру в бунгало Сан Саныча исключительно с позиций своей миссии. С точки же зрения обыкновенного человека ничего подозрительного здесь не было. Нормальное желание заработавшегося до чёртиков в глазах научного сотрудника расслабиться. К тому же и повод веский.

А Никите грех такой случай упускать. Тем более что мини-открытие доктора Киллигру уже даёт повод для частичной разгадки происхождения вируса «тофити». Остаётся теперь только уточнить некоторые детали... В конце концов, ничего не изменится, если вдруг окажется, что доктор Киллигру глубоко законспирированный агент ЦРУ, в чём Никита сильно сомневался. Даже наоборот, любой исход прямого разговора о «тофити» даст чёткую дифференциацию: либо да, либо нет. И всё это вскроется через один-два месяца, когда независимые исследователи со всего мира или подтвердят открытие доктора Киллигру, или опровергнут. Поэтому такой случай не просто нельзя было упускать, а НЕОБХОДИМО использовать с максимальной отдачей!

– Могу говорить мой версия передача вируса, – наконец решился Никита на многоходовую комбинацию. Как в шахматах двинул первую пешку: «e2 – e4».

– Да? – удивился доктор Киллигру. – Будет очень интересно.

Но по тому, как он подмигнул Сан Санычу, мол, что нового может сказать санитар в присутствии двух врачей, Никита не поверил в его «интерес». Ну и чёрт с ним, пусть потешится. Лишь бы в разговор ввязался.

– Всё дело разврат, вседозволенность сексуальных отношений. Понятно?

– Нет, – замотал головой американец. – Ничего не понял.

– Сан Саныч, – обратился к Малахову Никита, – не возражаете быть переводчиком?

– Почему бы и нет? – пожал плечами Сан Саныч. – Любопытно услышать мнение молодёжи.

– Тогда переводите. То, о чём я сейчас буду говорить, практически не касается эпидемий и пандемий известных болезней. Поговорим о новых, ранее человечеству не известных. С расширением ареала человеческой деятельности их становится всё больше. Это и сифилис, завезенный из Америки после её открытия, и малярия из тропиков, и энцефалит с Дальнего Востока, и сонная болезнь, а теперь ещё СПИД, Эбола, «тофити»... Общеизвестно, что девяносто девять процентов болезней, которыми болеют животные, человеку не свойственны, и ни бактерии, ни вирусы, вызывающие эти болезни, человеческому организму не страшны даже при их прямом введении в кровь. Вызывает опасение лишь тот самый один процент, когда возбудитель, существуя в теле животного без всякого для него вреда, на организм человека оказывает губительное действие. Это относится к малярийным плазмодиям, для которых малярийный комар всего лишь промежуточный хозяин, это относится к трипаносомам, переносчиком которых является муха цеце, то же самое можно сказать и об энцефалите и энцефалитном клеще...

– Спасибо, Никита, – с улыбкой перебил его доктор Киллигру. – Но всё это истины, известные даже школьнику. Причём здесь, простите, разврат и вседозволенность сексуальных отношений? Или я неправильно понял?

– Всё вы правильно поняли. Если малярия, сонная болезнь, энцефалит есть та цена, которую платит человечество за свою экспансию в природу, то сифилис, СПИД, Эбола и, как я думаю, «тофити» есть цена за сексуальное любопытство, а точнее, за самые извращённые его формы. Я имею в виду педерастию и близкий к ней «animal sex²». Ни для кого не секрет, что восемьдесят процентов геев, да чего там, все мы медики и будем говорить прямо – педерастов, наркоманы, а сорок процентов из них – носители вируса СПИДа. А в своих разнузданных мечтах многие из них не против «трахнуть» и какое-нибудь экзотическое животное. Отсюда и результат.

Никита специально говорил грубо и жёстко, чтобы вызвать ответную реакцию. Высказываясь он мягче, сглаживая углы, мог бы получить уклончивый ответ. А ему нужно было раззадорить собеседника, вызвать его на откровенность.

Сан Саныч перевёл.

– Нет, ну зачем же прямо так... – не согласился доктор Киллигру. – Надо быть цивилизованным человеком, и не валить все грехи мира на людей с другой сексуальной ориентацией. У меня нормальная сексуальная ориентация, но психологию геев я понимаю, и не собираюсь их ни в чём обвинять. Что же касается «animal sex», то случаи его проявления известны с ветхозаветных времён. Ещё в Древней Элладе многие пастухи «пользовались» своих коз. И, как видите, ничего страшного для человечества не произошло.

– А вот этого вы как раз наверняка утверждать не можете, поскольку, имея исторические данные о «козопользовании» древних извращенцев, у вас нет данных о «использованных» козах как вирусоносителях. И этот факт сильно завышает вероятность того, что многие эпидемии в древности вызваны именно сексуальными межвидовыми извращениями.

Доктор Киллигру рассмеялся.

² секс с животными (англ.).

– Простите, Никита, но ваши сентенции выходят за рамки научного спора. У вас данных по вирусологии древнего мира тоже нет. Поэтому обсуждать причины возникновения эпидемий в древности именно с этой точки зрения абсолютно бесперспективно и, скажем, ненаучно.

Никита чуть улыбнулся. Как легко американец заглотнул наживку! Теперь бы только не сорвался...

– Зато у меня есть данные по эпидемии лихорадки Эбола. Вы же не будете отрицать, что вирус Эбола испокон веков дремал в крови зелёных мартышек в лизогенной форме? И уж никуда вы не денетесь, а вынуждены будете признать, что «подарил» это вирус человечеству некий старатель, два месяца впустую искавший в горах алмазы и от сексуальной тоски, будем говорить прямо, «трахнувший» зелёную мартышку? Так почему этого не могло случиться с гориллой?

Американский вирусолог только развёл руками.

– Вынужден признать, что не ожидал от российского санитаря таких познаний. Да, действительно, патологоанатомические исследования останков злополучного старателя показали следы его сексуального контакта с зелёной мартышкой. Не очень чисто плотным был старатель, даже не помылся... – Доктор Киллигру брезгливо поморщился и вдруг неожиданно хохотнул. – Но, честно говоря, если всё это экстраполировать на «тофити», то я не представляю себе того человека, который бы отважился... гм... с гориллой.

– Голь на выдумки хитра! – усмехнулся Никита и, наконец, задал один из тех вопросов, ради которых и затеял беседу: – По-моему в этот ряд можно поставить и всем известный вирус СПИДа. Насколько мне известно, такой вирус выделен из крови макаки резус, не правда ли?

Вирусолог ответил не сразу. Он долго крутил в руках мензурку, задумчиво глядя в никуда, и только вздыхал.

– Знаете, Никита... – наконец медленно проговорил он. – У меня на этот счёт имеется собственное мнение. Впрочем, эту версию в своё время выдвигали на страницах газет. Вирус, выделенный из крови макаки резуса, очень похож на вирус СПИДа, но всё-таки не тот. Мне кажется, что без вмешательства биоинженерии здесь не обошлось, слишком уж... А, да ладно. Не люблю домыслов, не подтверждённых фактами. Давайте лучше выпьем!

– Давайте! – с удовольствием согласился Никита. Ещё одного вопроса о искусственном происхождении вируса не понадобилось. Доктор Киллигру оказался даже честнее, чем он ожидал. – Оставим мартышек и горилл извращенцам!

Все рассмеялись.

Далее вечеринка покатила по привычному руслу, с шутками, анекдотами, рассказами из жизни... И Никита с удовольствием принял в ней участие. Главное он выяснил. Последней точкой в его расследовании был разговор с доктором Киллигру, спланированный как шахматная задача: «Белые начинают и делают ничью».

И теперь можно было смело констатировать, что вирус «тофити» имеет естественное происхождение.

Проводив поздно вечером изрядно подвыпившего американского вирусолога до госпиталя, Никита вернулся в бунгало в весьма благодушном состоянии. Сан Саныч уже спал. Никита умылся под рукомойником и, завидуя храпу старого доктора, сел писать ответное письмо своей «казнобе». Настрочив две страницы пустой похабщины влюблённого придурка, он закончил: «Надоела мне эта Африка до чёртиков. Скучаю без тебя». А затем добавил условную фразу: «Тоскую, тоскую, тоскую...» С двумя точками, а не с тремя. Расписался и заклеил конверт.

Всё. Его миссия закончена. Максимум через неделю Никиты Артёмовича Полынова в Центральной Африке не будет. Отзовут.

Глава вторая

Но всё получилось по-другому, и письмо с условной фразой оказалось не нужным.

Утром, едва только взошло солнце, из деревни прибежал мальчуган и принёс телеграмму. Принял её Сан Саныч, встававший по привычке ни свет ни заря. Прочитал, вздохнул и пошёл будить Никиту.

– Никита! – потряс он санитару за плечо. – Вставайте!

– Что? – вскинулся на гамаке Никита. – Пациента привезли?

– Вставайте. – Сан Саныч не объяснил причины. – Умывайтесь, одевайтесь...

И только когда Никита, побрившись и с удовольствием поплескавшись под рукойником, натянул шорты, надел рубашку, кроссовки, Сан Саныч отдал ему телеграмму.

ТЕТЯ АСЯ ПОГИБЛА АВТОМОБИЛЬНОЙ КАТАСТРОФЕ ТЧК ПОХОРОНЫ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОГО ТЧК ВЫЕЗЖАЙТЕ ТЧК

Для Никиты эта телеграмма была что гром среди ясного неба. «Тётя Ася», это не «дядя Коля». Что ж такого должно было случиться у Березницкого, чтобы Никита бросал всё и немедленно возвращался в Москву? Причём в гораздо более срочном порядке, чем если бы «дядя Коля скончался от инфаркта».

– Да... Такие дела... – тяжело вздохнул он. – Надо ехать, Сан Саныч.

– Естественно, поезжайте, – сказал Сан Саныч и внимательно посмотрел в глаза Никите. – Хотя, как мне кажется, смерть тётки вас не очень расстроила.

– Если по правде сказать, – на ходу плёл небылицы Никита, мечась по бунгало и собирая в сумку вещи, – то с тёткой у меня были не больно-то хорошие отношения. Вот дядю Колю... дядю Колю жалко. Хороший мужик. Одно непонятно – за что он тётку так любил? Мегера ещё та...

Никита вдруг застыл посреди бунгало с сумкой в руках и посмотрел на Сан Саныча. Старый доктор сидел в плетёном кресле и молча, с грустью наблюдал за сборами своего санитару. Было в позе и взгляде Сан Саныча что-то такое, от чего у Никиты на мгновение защемило сердце. Потерянность, что ли? Понимание того, что Никита – последний русский человек, которого он видит в своей жизни? К нему-то даже в случае смерти никто по телеграмме не приедет...

– Вот что, Сан Саныч, – внезапно решил Никита, доставая из сумки документы и деньги и рассовывая их по карманам. – Мне с моим барахлом по аэропортам бегать будет не с руки. Лишняя обуза. А вам, глядишь, и пригодится. Роста мы почти одинакового. Хватит вам ходить в армейских обносках чужой армии.

– Спасибо, – равнодушно поблагодарил старый доктор.

– Да, вот ещё что... – Никита замялся, раздумывая, – а стоит ли, будет ли у него время? – но тут же отнёс прочь сомнения. Стоит. Подождёт Березницкий, ничего с ним не случится. – Должок за мной перед вами, Сан Саныч, имеется.

– Если надумаете деньги совать, – с усмешкой покачал головой Сан Саныч, – не возьму.

– Какие деньги? А то я вас не знаю. Медикаменты-то я вам не все доставил.

– Ну а вы здесь причём? – пожал плечами доктор. – Это теперь дело консула...

– При том, Сан Саныч, что я груз должен был не в консульстве оставлять, а адресату доставить, – отрезал себе пути к отступлению Никита. – Мы сделаем вот как. Я сейчас к американцам подамся, выпрошу у них грузовик...

– А дадут? – засомневался доктор.

– Если не дадут просто так, то за часть медикаментов – обязательно. А вас, Сан Саныч, я попрошу сходить в деревню, и пусть староста пару человек для погрузки предоставит. Надеюсь, это возможно?

– Это-то возможно... – вздохнул доктор. – Но послушайте, Никита, вам ведь в столице не до того будет...

– До того, до того, Сан Саныч. Давайте, идите в деревню. – Никита прихватил со стола маисовую лепёшку и спрыгнул с веранды на лужайку перед бунгалом. – И никаких возражений я слышать не хочу! – крикнул он, бодрым шагом направляясь в джунгли в сторону американского госпиталя и на ходу откусывая от лепёшки. Когда-то ещё придётся поесть – сегодня предстоит суматошный день. Да и ближайшие дни тоже.

С грузовиком всё решилось на удивление легко и просто. Главврач американского госпиталя доктор Брезенталь, едва только услышав, для каких целей понадобился грузовик, предоставил его Никите без всяких проволочек. Даже пожурил, почему, мол, раньше не обратился за помощью? Чем в значительной степени поколебал убеждённую Никиту в абсолютной меркантильности американцев. Могут они, оказывается, быть и бескорыстными.

Майкл, шофёр миссии, белобрысый парень лет двадцати, даже обрадовался случаю уехать хотя бы на день из госпиталя. Непосредственной работы у него практически не было, и приходилось исполнять роль подсобного рабочего. А в чём она заключается при госпитале, где от неизвестной болезни в день умирает один-два пациента, не трудно догадаться.

Доктор Малахов с корзинкой в руках поджидал грузовик на краю деревни. Рядом с ним стояли два вполне цивилизованно одетых негра – в шортах и цветастых рубашках, – правда, босиком.

– Они по-английски понимают? – спросил Никита, выпрыгивая из из кабины.

– Нет, – покачал головой Сан Саныч.

– А как же...

– Зато прекрасно понимают язык жестов.

Сан Саныч обернулся к неграм и махнул им рукой, показывая на кузов грузовика. Те беспрекословно полезли через борт.

– Вот и всё... – со вздохом сказал старый доктор, пожимая на прощание Никите руку. – Был рад знакомству. Надеюсь, что побудете подольше, но... – Малахов попытался усмехнуться, но на его лице проявилось лишь подобие кислой улыбки. – Возьмите, – протянул он корзинку, – я тут в дорогу собрал. Вы ведь не завтракали, а путь дальний...

Неожиданно старый доктор обнял Никиту, похлопал его по спине и тут же отпрянул.

– Счастливо.

– И вам счастливо оставаться, – сконфуженно пробормотал Никита. Никак не ожидал, что Сан Саныча так расстроит его отъезд. Вроде бы никаких предпосылок для этого не было. Месяц проработали вместе, но всегда Сан Саныч держал субординационную дистанцию. А вот, поди же ты, во что расставание вылилось...

– Ты вот что, Никита... Если вдруг там, у себя дома, вспомнишь добрым словом чудного старика из Центральной Африки, – тихо проговорил Сан Саныч, глядя куда-то в сторону, – так ты уж, будь добр, черкни ему пару строк... Прощай.

Малахов махнул рукой, развернулся, и пошёл от деревни в джунгли. Седой, глубокий старик, напрочь забытый своей родиной.

«Напишу, – твёрдо обещал про себя Никита, глядя ему вслед, пока спина Сан Саныча не скрылась за деревьями. – Обязательно напишу...» Больше всего в словах старого доктора Никиту поразило обращение к нему на «ты». Никогда прежде доктор себе этого не позволял, хотя разница в годах у них была приличная. Сорок лет. Во внуки Никита годился Сан Санычу.

Никита забрался в кабину, поставил рядом на сиденье корзинку и кивнул Майклу.

– Поехали.

Мощный «катерпиллер» шёл по извилистой грунтовой дороге в джунглях наподобие амфибии на воздушной подушке. Складывалось впечатление, что под колёсами ровное асфальтовое покрытие, а не разбитая колея в раскисшей рыжей глине, то и дело ныряющая в сизые пятна глубоких луж. Мотор еле слышно гудел на одной ноте, а грузовик лишь слегка покачивало, когда попадались особенно глубокие рытвины. Не машина, а сказка. Ни в какое сравнение не шла со старым «лендровером» вице-консула. Правда негры в открытом кузове чувствовали себя не совсем уютно – ветви то и дело хлестали по грузовику, сбрасывая им на головы росу. Зато Никита в кабине с работающим кондиционером ощущал себя на вершине блаженства. Он уже и забыл, что такое прохлада.

Майкл пару раз попытался завязать ни к чему не обязывающий дорожный разговор, но наткнувшись на односложные ответы Никиты, якобы не очень хорошо знающего английский, включил магнитофон и, больше не обращая внимания на попутчика, весело подпевал какой-то рок-группе. От предложения разделить с Никитой завтрак из корзинки Сан Саныча, Майкл отказался, зато с похвальной регулярностью раз в полчаса принимал из плоской фляжки «микстуру» от «тофити», предписанную доктором Брезенталем. Кстати, главврач американского госпиталя на полном серьёзе обязал всех принимать алкоголь, и, может быть, поэтому никто из медперсонала пока не заразился.

Дважды грузовик, не снижая скорости, беспрепятственно миновал блокпосты – солдаты национальной гвардии лишь равнодушно проводили его взглядами. Для них было достаточно эмблемы Красного Креста на ветровом стекле. Никита в очередной раз подивился столь неестественно цивилизованному ведению войны – будь это в Европе, где-нибудь в Сербии или Хорватии, остов грузовика уже догорал бы на обочине. Правда, по слухам, пленных здесь иногда ели, но насколько эти сведения верны, Никита не знал. Сан Саныч разговоры о каннибализме местных жителей не поддерживал.

В столицу приехали через два часа, и факт столь быстрого прибытия немного обескуражил Никиту. Двенадцать часов, затраченные на дорогу месяц назад, когда он с вице-консулом добирался до российской миссии Красного Креста, не оправдывались никоим образом – ни малой скоростью «лендровера», ни частыми остановками из-за пробуксовки в жидкой грязи. Да и дорога тогда вроде была другая, поскольку на ней, если память не изменяет, стояло четыре блокпоста...

Никита вспомнил настороженные взгляды исподтишка, которые вице-консул, Егор Семёнович Ненароков, изредка бросал на него, крутя баранку, вспомнил его обтекаемо скользкие вопросы о жизни-бытии в России. Тогда он принял всё это за обыкновенное «прощупывание» благонадёжности русского подданного – на должность вице-консула назначались исключительно сотрудники ФСБ. Да, видимо, нечто другое было на уме у Егора Семёновича. Кому нужна в Африке благонадёжность российского санитара? Авось не времена КГБ...

Столица монархической республики в Центральной Африке представляла собой большую деревню с саманными хижинами – около сорока тысяч жителей, всего три заасфальтированные улицы, причём более-менее нормально для цивилизованного взгляда смотрелся лишь пятачок на центральной улице, где в деревянных свайных постройках располагались почта, полицейское управление и военная комендатура. К европейским сооружениям можно было отнести разве что дворец монарха, международный аэропорт да несколько сборных домиков иностранных консульств, расположенных на окраине столицы. Ни одним посольством монархическая республика в центре Африки пока не обзавелась.

Российское консульство выглядело самым захудалым. Небольшой участок земли, поросший сорной травой и обнесённый колючей проволокой, а на нём – сборный домик на пять комнат и небольшой, типа мини-ангара, металлический склад для гуманитарных грузов. Насколько понял Никита, единственной гуманитарной помощью, которую когда-

либо имело на своём складе консульство, являлись медицинские препараты, направленные сюда российским отделением Красного Креста. Правительство же России со своей помощью монархической республике не спешило. Въезд на территорию консульства преграждали углые ворота из сварных труб, а рядом, у калитки, был сооружён тростниковый навес. Здесь, сидя на скамеечке, нёс охрану территории Российской Федерации в Центральной Африке пожилой чернокожий полицейский с автоматом Калашникова. Автомат лежал рядом на скамеечке, а полицейский веточкой лениво отгонял от лица мух.

Никита остановил грузовик у ворот, выпрыгнул из кабины и беспрепятственно прошёл через калитку. Полицейский и ухом не повёл.

Из трёх сотрудников консульства – консула, вице-консула и секретарши – на месте был только консул, Арнольд Михайлович Родзиевский. Молодой мужчина лет тридцати, явно согласившийся на службу в таком захолустье ради дипломатического стажа, однако на месте назначения быстро понявший, что с таким «стажем» продвижения по дипломатической службе не предвидится.

Арнольд Михайлович сидел в своём кабинете и изнывал от жары. На кондиционер МИД поскупился, а вентилятор, даже работая на полную мощность, помогал слабо. Дверь в его кабинет была открыта, поэтому вошедшего в приёмную Никиту он увидел сразу.

– Никита Артёмович, здравствуйте! – крикнул он. – Проходите.

Никита аккуратно прикрыл за собой дверь кабинета, подошёл к столу, пожал протянутую руку.

– Здравствуйтесь, Арнольд Михайлович.

Консул не встал и сесть Никите не предложил. Видно надеялся побыстрее отделаться от посетителя.

– Вы телеграмму получили? Соболезную... Знаете, очень удачно получилось, что вы смогли к нам утром добраться, хотя, конечно, «удачно» здесь ни к месту. Но, поймите меня правильно, появившись вы после обеда, я бы вам ничем помочь не смог. В стране военное положение, аэропорт закрыт на карантин... А тут, если так можно сказать, счастливая оказия – через полтора часа с частного аэродрома вылетает самолёт на Каир. Вот ваш билет.

Никита взял билет, сунул в карман. Действительно, счастливая оказия. По основному варианту «отхода» необходимо было пересечь границу с соседним государством в пяти километрах южнее столицы, а там на попутках добираться до аэропорта. При самых благоприятных обстоятельствах в Европу он бы вылетел поздним вечером.

– Спасибо.

– К сожалению, вице-консула сейчас нет, а то бы он подбросил вас до аэродрома. Но тут недалеко идти. Минут двадцать прямо по улице до самого конца. А там увидите.

– Спасибо, – повторился Никита.

– Не за что, – улыбнулся консул одними губами. – Это наша обязанность помогать соотечественникам. Только вот один вопрос... Понимаете, рейс частный, и нам пришлось платить наличные... Конечно, Красный Крест перечислит эти деньги МИДу, а МИД нам компенсирует... Но когда это будет?

– Понимаю, – кивнул Никита. – Сколько?

– Четыреста долларов.

Никита молча достал деньги и расплатился, хотя знал, что на местных авиалиниях с него взяли бы от силы сотню. Но в его положении выбирать не приходилось. И всё же столь явная спекуляция консула произвела неприятное впечатление. Плохо, когда государство вовремя не выдаёт зарплату своим представителям за рубежом. А ещё хуже, когда дипломатические кресла занимают мелкие жулики.

На этот раз консул заулыбался не только губами, но и в глазах появились искорки благожелательности. Он, наконец, встал и протянул руку.

– Всего вам доброго. Счастливо долететь.

Никита протянутой руки не заметил.

– Погодите прощаться, Арнольд Михайлович, – сказал он и сел на стул. – У вас был один вопрос ко мне, а теперь и у меня к вам вопрос будет. Да вы садитесь, господин консул.

Родзиевский медленно опустился на стул, никак не проявляя своего недовольства. Выдержка у него была дипломатическая, непробиваемая, но взгляд стал недобрый.

– Я вас слушаю, Никита Артёмович, – сухо сказал он.

– А дело вот в чём, Арнольд Михайлович, – спокойно начал Никита. – Месяц назад спецрейсом из Москвы я доставил сюда груз медикаментов и медицинского оборудования для российского Красного Креста, единственным представителем которого в этой стране является доктор Малахов...

– Я вас понял, Никита Артёмович, – перебил Родзиевский. – К сожалению, в настоящее время из-за распутицы доставить медикаменты доктору Малахову не представляется возможным. Не мне вам рассказывать, вы сами знаете, в каком состоянии здесь дороги. Как только закончится сезон дождей, мы отправим доктору все препараты и оборудование. Вы удовлетворены?

– Нет. Зачем решение проблемы откладывать в долгий ящик? – невозмутимо пожал плечами Никита. – У ворот стоит грузовик американской миссии. Конечно, весь груз в него не поместится, но половину он сможет забрать и доставить доктору Малахову.

На лицо консула набежала хмурая тень.

– Вот что, господин Польшов, – официальным тоном проговорил он. – Пока ещё в консульстве распоряжаюсь я. Поэтому решать, когда, куда и кому отправлять гуманитарную помощь Российской Федерации буду тоже я. Вы доставили груз в страну – спасибо. Теперь можете возвращаться в Москву хоронить свою тётю. Всю ответственность за гуманитарную помощь я беру на себя. До свиданья.

– Да неужели? – нехорошо усмехнулся Никита. – Это с чего же вы взяли, что на медикаменты международного Красного Креста распространяется юрисдикция России? Это что-то новенькое...

Однако консул был ещё тем пройдохой.

– Груз доставлен сюда российским самолётом, значит, за его сохранность отвечает наше представительство. Разговор закончен. Прощайте.

Родзиевский сидел неподвижно, с каменным лицом, и таким же неподвижным холодным взглядом в упор смотрел на Польшова. Мол, что ты можешь, букашка, против меня?

– Жаль... – искренне вздохнул Никита и встал. – Жаль, что не договорились...

Он протянул руку якобы для прощания, но в последний момент выбросил её вверх, схватил Родзиевского за шевелюру и сильным рывком припечатал лицо консула к столу. Придавив голову ещё сильнее к столешнице и, используя её затылок как точку опоры, перемахнул через стол, где перехватил правую руку консула, дёрнувшуюся было к ящику стола. И её тоже растопыренными пальцами изо всей силы припечатал к столешнице. Консул приглушенно взвыл.

– Ай, как плохо, как плохо... – посочувствовал Никита, одной рукой доставая из ящика стола пистолет «макаров», а второй всё ещё прижимая голову консула к столу. – Личико вава, ручка вава... Не надо шалить, мальчик, на государственной службе.

Рывком за волосы он посадил Родзиевского и сунул пистолет в расквашенный нос.

– Никаких звуков издавать не советую, – мрачно порекомендовал Никита. – Во избежание осложнений.

Консул сидел ни живой, ни мёртвый, лишь ошарашено моргал глазами. Видимо, с ним впервой обходились вопреки дипломатическому этикету.

Никита освободил брюки Родзиевского от ремня, завёл ему руки за спину и привязал их к спинке стула. Затем порылся по ящикам стола и в одном из них обнаружил целый набор галстуков. Всё правильно, как без них дипломату? Ну просто никак нельзя. Особенно при такой «недипломатической» встрече. Галстуками Никита привязал ноги консула к ножкам стула, а один, свернув в тугой комок, запихнул в рот вместо кляпа.

– Так-то будет лучше, – прокомментировал он, когда критическим взглядом оценил свою работу.

Консул неожиданно начал икать. Лицо побледнело, глаза стали закатываться.

– Ну-ну, – пожурил его Никита. – Зачем же в обморок шлёпаться, как гимназистка? Никто на твою жизнь покушаться не собирается.

Он взял с тумбочки сифон с водой, брызнул на лицо Родзиевского, пошлёпал по щекам. Консул замотал головой, шумно, со всхлипами, задышал разбитым носом.

– Вот и ладушки, – удовлетворённо констатировал Никита, обшаривая карманы Родзиевского. – А вот и ключики от каморки папы Карло, – объявил он, извлекая связку ключей. – Какой из них от склада? Этот?

Консул отрицательно покачал головой.

– Нет? А этот? Ага, этот... Молодец, хороший мальчик, послушный. А этот, надо понимать, от ворот? Умница! Я тебе за послушание маленький подарочек сделаю. – Никита чуть развернул вентилятор и направил струю воздуха на лицо Родзиевского. – Видишь, как хорошо быть умным-разумным мальчиком. Ты посиди здесь тихонько полчасика, пока мы машину погрузим, и, если не будешь шалить, я тебя потом развяжу, хорошо?

Сунув пистолет в карман, Никита вышел во двор, отпер ворота и махнул рукой Майклу, чтобы тот заезжал. Полицейский на лавочке и на этот раз и бровью не повёл. И правильно. Какое ему дело до белых людей? Он здесь поставлен экстерриториальность блюсти, а не в чужие дела нос совать.

Открыв склад, Никита присвистнул. Впрочем, нечто подобное он и ожидал увидеть. Половину гуманитарной помощи как корова языком слизала. Силён консул в бизнесе оказался, явно по стопам старших «товарищей» пошёл. Жалко, конечно, что часть медикаментов «на сторону уплыла», но весь груз за одну ходку вывести всё равно бы не удалось, а на две ходки у Никиты не было времени. А тут в аккурат на машину будет.

Ребята из деревни, вопреки мнению о лености африканцев, работали на удивление споро. Да и картонные коробки с медицинскими препаратами, несмотря на свои габариты, были лёгкими. Майкл, естественно, в погрузке участия не принимал, сидел в кабине, слушал музыку и посасывал из фляжки «микстуру». Никита же руководил погрузкой, то и дело бросая взгляды на улицу – не покажется ли секретарша или вице-консул. Но всё обошлось.

Через полчаса погрузили последний ящик, накрыли машину брезентом, и довольные аборигены полезли в кабину.

– Счастливого пути! – махнул рукой Никита.

Майкл на прощание поднял ладонь, улыбнулся сквозь закрытое стекло, и «кэтерпилер», тихо урча мощным мотором, с элегантным достоинством крупногабаритного монстра выплыл за ворота.

Никита закрыл ворота, вернулся к складу, и вытащил из кармана «макаров». Вынув обойму, он бросил пистолет за порог склада, а обойму зашвырнул в густую траву на территории консульства. Затем закрыл склад и вернулся в кабинет Родзиевского.

– Вот всё и закончилось, – весело объявил он с порога. Успешно проведенная операция настроила Никиту на мажорный лад. – А ты боялся...

Он вынул кляп изо рта консула, затем развязал его. К удивлению, Родзиевский ничего не сказал. Левой рукой достал платок и принялся молча вытирать окровавленный нос,

мрачно глядя куда-то мимо Никиты. Правую опухшую кисть руки он держал перед собой на весу.

– Я рад, Арнольд Михайлович, что мы расстаёмся без гневных фраз, типа «мы ещё встретимся!» – примирительно сказал Никита и положил на стол связку ключей. – Кстати, не советую после моего ухода звонить ни в полицию, ни в комендатуру. Иначе при аресте и дознании всплывёт вопрос, куда же подевалась вторая половина груза. Я понимаю, что местным властям это до лампочки, но как к этому отнесутся в МИДе? Что же касается моего «длинного языка» в Москве, то кто поверит словам обыкновенного санитаря о стяжательских наклонностях консула без веских доказательств? Да и мне сутяжничать с вами не с руки – одна морока. Так что бывайте здоровы!

Никита, развернувшись, чтобы уйти, и только тогда Родзиевский глухо сказал ему в спину:

– Пистолет... Пистолет верни. Он за мной числится.

– Найдёшь на складе, – бросил через плечо Никита. – Естественно, без патронов.

В паркой духоте, отличающейся от такой же духоты в джунглях только тем, что сверху ещё припекало солнце, Никита дошёл по пустынной улице до конца и увидел аэродром. Обыкновенная, ничем не огороженная луговина, вероятно ранее используемая местными жителями как выгон для скота. С краю поля стоял небольшой домик, надо понимать, здание аэропорта, а за ним метрах в двадцати, виднелся средних размеров самолёт, выкрашенный в тёмную, цвета грозových облаков, краску.

АН-24 в транспортном варианте, узнал Никита. И куда только не занесло отечественную технику после развала сверхдержавы. В каких уголках земного шара эта техника теперь ни работает... И не работает тоже.

Никита направился к зданию и, подойдя ближе, заметил выглядывающий из-за угла капот оранжевого «лендровера». А вот это уже грозило неприятностями. Машину вице-консула Ненарокова после двенадцати часов мытарств на ней по джунглям он узнал бы и в густой череде автомобилей на Новом Арбате, а уж здесь тем более не спутал бы ни с какой другой.

Однако отступить было некуда. Расслабившись, как перед неизбежной дракой, Никита неторопливой походкой направился к зданию.

Когда до здания осталось метров двадцать, входная дверь распахнулась и на пороге появился улыбающийся вице-консул. В одной руке он держал небольшой чёрный кейс, а другой махал Никите.

– Здравствуйте, господин Полынов, – радушно приветствовал вице-консул. – А я вас жду!

Улыбка Ненарокова с тонкими губами, растянутыми до ушей, и мелкими редкими зубами напоминала оскал барракуды.

– Здравствуйте, – спокойно проговорил Никита. Что ещё за сюрприз приготовили ему господа российские дипломаты?

– Я сюда напрямиком из президентского дворца, – радостно сообщил вице-консул. – Позвонил Родзиевскому, а он сказал, что вы уже на аэродроме... Как хорошо, что ещё не улетели! – Он пожал руку Никиты и чуть задержал в своей. – Кстати, голос у Арнольда Михайловича был какой-то хмурый... Вы что, с ним не поладили?

– В цене на билет не сошлись, – буркнул Никита и посмотрел в глаза вице-консула. Что-то там, в зрачках Ненарокова, мигнуло, но что – то ли мимолётная растерянность, то ли такая же по краткости удовлетворённость – Никита разобрать не смог. И то и другое были как хрен и редька – друг друга не слаще.

– Ну, это ваши с ним проблемы, – отмахнулся вице-консул. – А у меня к вам дело государственной важности. Вот этот чемоданчик с дипломатической почтой необходимо срочно передать в Каир. Берите, берите.

Никита машинально взял плоский чёрный чемоданчик и внимательно посмотрел на него. Вес у чемоданчика был порядочный, а два цифровых замочка надёжно берегли тайну содержимого.

– Бумаги много весят, – перехватил его взгляд Ненароков.

– Я в Каире останавливаться не буду, – попытался мягко отказать Никита. – Первым же попавшимся рейсом улетаю в Москву.

– И не надо там останавливаться! – расцвёл в улыбке вице-консул. – Тем более, что с дипломатической почтой вам нельзя проходить через таможню без соответствующих документов. Поэтому в зале транзитных пассажиров вас встретит сотрудник российского посольства в Каире Игорь Петрович Постышев и в обмен на оказанную услугу вручит вам билет до Москвы.

Никита ничего не сказал. Интересно, вице-консул его что, за круглого дурака принимает? Впрочем, наверное, именно так и думает. А какие мысли могут быть у мелкого жулика, на пару с консулом воруящего медикаменты? И Польшину внезапно стало жаль Ненарокова. Профессионалам всегда жаль дилетантов, даже когда они противники.

Ненароков предупредительно распахнул перед Никитой дверь в небольшой холл здания частного аэродрома, вошёл следом. В холле у никелированной вертушки стоял бравый негр двухметрового роста в гвардейской форме и лихо заломленном берете на макушке. Стоял он, прислонившись к стене и опираясь на ствол швейцарской винтовки «ЗИГ» как на древко дротика. От безделья и беспросветной скуки парень, видно, совсем одурел и впал в полное безразличие. Танк мимо него пройди, и то не заметил бы.

Никита напустил на лицо апломб облечённого важным государственным заданием человека и пошёл на гвардейца. На предъявленный билет негр даже не посмотрел и, наверное, Польшин с Ненароковым беспрепятственно прошли бы на лётное поле, не акцентируя Никита внимание на чемоданчике.

– Это дипломатическая почта, – поднёс он кейс к глазам гвардейца.

Негр смотрел на чемоданчик тупым, бараньим взглядом.

– Дипломатическая почта, – повторил Никита по-английски и постучал по кейсу пальцами.

Наконец гвардеец очнулся и что-то спросил на местном наречии.

Ненароков бросил на Польшину укоризненный взгляд и коротко ответил на том же языке. Гвардеец отрицательно покачал головой и возразил. Вице-консул повысил тон и стал тыкать в лицо гвардейцу свои документы. Тут уж гвардеец окончательно пришёл в себя и тоже стал говорить на повышенных тонах, тыча пальцем куда-то в сторону служебных помещений.

Вице-консул ещё немного попрепирался с охранником, затем пожал плечами и, повернувшись к Никите, сказал:

– Вы идите, садитесь в самолёт, я сам всё улажу.

– А чемоданчик?

– Берите с собой.

И они разошлись. Ненароков в сопровождении «бравого» гвардейца направился к начальнику аэродрома, а Польшин через турникет вышел на лётное поле.

Но к самолёту Никита не пошёл. Обогнув здание, он подошёл к «лендроверу», булавкой открыл замок багажника и, аккуратно положив кейс, захлопнул крышку. И только затем направился к самолёту. «Эх, дурашка ты, дурашка... – в душе пожалел Польшин вице-консула. – Ну что тебе стоило забрать у меня кейс? Я тебе уж и так и эдак намекал, разве что костяшками пальцев по кейсу не стучал, как перед гвардейцем...»

На траве в тени самолёта возле шасси сидело двое немолодых людей в старой аэрофлотской форме. Ещё издали Никита услышал родную русскую речь.

– Привет, земляки, – сказал он, подходя.

Лётчики повернули головы. Роднила их не только форма, но и усталые загорелые лица, и грустные взгляды, и ранняя седина. Разве что один был чуть постарше, лет сорока пяти, и с голубыми глазами, а второй – помоложе, но тоже за сорок, и кареглазый.

– Привет, – равнодушно отозвался тот, что постарше. – Из России?

– Ну а откуда же ещё!

– Значит, уже не земляк, – вздохнул лётчик. – Мы с Украины.

– А почему тогда по-русски разговариваете? – съязвил Никита. «Уроки» Стэцка Мушенко не прошли даром.

– А я лучше на старославянском заговорю, чем в принудительном порядке «забалакаю», – всё так же равнодушно ответил лётчик. – От нас что надо? Восточку, что ли, на родину передать?

– Да нет. Я ваш пассажир. Сейчас билет покажу...

Никита зашарил по карманам.

– Не надо, – махнул рукой второй лётчик, встал и ударил кулаком по фюзеляжу. Корпус машины отозвался гулом. – Алексей, прогревай моторы! Летим!

Тем временем первый лётчик выбил из-под шасси колодки и, прихватив их, направился к люку.

– Ну а ты чего, – обратился к нему оставшийся лётчик, – особого приглашения ждёшь?

– А что, так сразу и летим? – удивился Никита.

– Самое время... – Лётчик выбрался из-под крыла и, прищурившись, посмотрел на небо. – Лучшего времени здесь, чем летать в грозу, нет...

– Никита, – представился Польшов и протянул лётчику руку. Нравились ему эти простые, бесхитростные парни.

– Михаил, – назвал лётчик, но руку не пожал. – Ты врач?

Никита кивнул.

– С эпидемией боролся?

Никита снова кивнул.

– Тогда не протягивай руки.

Польшов рассмеялся.

– Таким образом «тофити» не заразишься. Вот разве что со мной переспать надумаешь, тогда есть опасность.

– Ишь, размечтался, – хмыкнул Михаил. – Знаешь поговорку: «Бережёного и бог бережёт»? Тогда прикуси язык и залазь.

Уже на последней ступеньке трапа Никита оглянулся и сквозь стеклянные двери в домике аэродрома увидел спешащего на поле вице-консула. Никита повернулся и, стоя в проёме люка так, что левое плечо скрывал борт самолёта, правой рукой помахал Ненарокову. При этом он состроил вице-консулу такую лучезарную улыбку, будто тот являлся ярчайшим представителем слабого пола.

Вице-консул нерешительно остановился и тоже помахал рукой, напоследок одарив Никиту своим неотразимым оскалом барракуды. Ничего другого, как подумать, что в левой руке Никита держит чемоданчик, он не мог.

– Чего застрял? – недовольно крикнул с земли сквозь рёв набирающих обороты двигателей Михаил. – Давай быстрее!

Никита шагнул внутрь самолёта.

Трюм транспортного АН-24 напоминал собой авгиевы конюшни. Хотя коней здесь вряд ли перевозили, но коз и баранов – точно. И, само собой, оружие, потому что к запаху навоза примешивался запах оружейной смазки. Впрочем, сейчас трюм был практически пуст. Лишь в хвостовой части лежало несколько джутовых тюков неизвестно с чем.

Михаил втянул в трюм трап, задраил люк.

– Садись! – перекрывая рёв моторов на форсаже, крикнул он Никите и указал на кресло возле входа. В трюме было всего четыре кресла – по одному у каждого иллюминатора. Остальное пространство предназначалось исключительно для грузов. Нерентабельно в Африке возить людей.

– Сиди и с места не рыпайся, сразу не разноси! – поучал Михаил. – Ты парашютом пользоваться умеешь?

– Нет, – соврал Никита. – А что?

– Тогда молись богу, чтобы нас не сбили.

– Кто? Мятежники?

– И те, и другие. У них стрельба по самолётам что-то вроде развлечения. Мы им стингеры возим, а они нас ими же и сбивают. Война по-африкански называется!

Не зная, как отреагировать, Никита неопределённо хмыкнул. Со своими оценками здешней войны он уже не раз попадал впросак.

– Да, и последнее! – проорал Михаил, потому что рёв двигателей стал невыносимым, фюзеляж мелко задрожал. – Запомни, когда прилетим в Каир, говори, что мы летели из Сомали! Понял?! Иначе тебе карантин обеспечен, а нас лишат лицензии до конца жизни!

Самолёт дрогнул и начал разбег.

Глава третья

Ни молния, ни стингер в самолёт не попали, хотя потрясло АН-24 в грозном фронте изрядно. Как на тренажёрном вибростенде. И как только самолёт на составные части не развалился, уму непостижимо. После подобного испытания весь экипаж вместе с Никитой можно было смело зачислять в отряд космонавтов, если, конечно, за время отсутствия Польшина в России космическую программу не свернули окончательно и навсегда.

В Каир самолёт прибыл поздно ночью, и когда Никита ступил на бетон лётного поля, ему показалось, что чище воздуха он не вдыхал никогда. Основательная тряска самолёта подняла в трюме такую пыль, что дышать было невозможно, а Никита стал похож на скотника, только что вычистившего хлев. И воняло от него как от настоящего козла.

В зале для транзитных пассажиров к Никите, как он и предвидел, никакой представитель российского посольства не подошёл, а чистенькие, ухоженные пассажиры шарахались от него как от зачумленного. Естественно, Никита не стал разыскивать мифического Постышева, даже существуй таковой на самом деле. Он приобрёл билет до Москвы на ближайший рейс и юркнул в туалетную комнату.

Здесь он умылся, а носатый араб с видимым отвращением кое-как вычистил его одежду – на стирку и глаженьё времени до посадки в самолёт не было, хотя соответствующая служба в аэропорту имелась. Но следующий прямой рейс на Москву был почти через сутки, и Никита махнул рукой на свой внешний вид. Вонь уменьшилась, однако всё равно ощущалась. Но от предложения араба освежить одежду хвойным дезодорантом Никита наотрез отказался. Эффект мог получиться убийственным. От сочетания запахов хвои и хлева пассажиров могло начать мутить и без воздушных ям.

К счастью, пассажиров в самолёте было немного, а в салоне второго класса и вообще не больше десятка. Никита сел в кресло у иллюминатора в свободном ряду, пристегнулся и, чтобы не вступать в разговоры со стюардессой, закрыл глаза, якобы собираясь спать. Одного не учёл – что летел он рейсом не российской авиакомпании, а германской. Стюардесса тотчас оказалась рядом, деликатно «разбудила» его и вежливо предупредила, что отправляться в сон он может только после взлёта самолёта и набора высоты. Заодно предложила одеяло. И всё это она сообщила с такой радушной, лучезарной улыбкой, будто их «боинг-747» был предназначен исключительно для перевозки грязных и вонючих пассажиров. Правда при этом она стояла несколько поодаль и к Польшину не наклонялась.

Никита хотел было извиниться за свой внешний вид, но, наткнувшись на заученно приветливый взгляд стюардессы, понял, что ей абсолютно всё равно, чистил ли её пассажир прямо перед посадкой в самолёт унитаза в общественном туалете или же попросту не мылся со дня своего рождения, соблюдая религиозный обет. Поэтому он не стал плести небылицы в своё оправдание и согласился взять одеяло.

Пронаблюдав в иллюминатор, как лайнер разгоняется по взлётной полосе и ложится на курс, оставляя слева по борту бесконечное море огней ночного Каира, Польшин накрылся одеялом и смежил веки. Теперь уже по-настоящему, без всякого притворства, хотелось спать. Прощай, Африка, быть может, навсегда.

Все три часа полётного времени Никита проспал сном младенца. Разбудила его всё та же неизменно заботливая стюардесса, указывая пальчиком на мигающие на стене надписи, регламентирующие поведение пассажиров перед посадкой. Никита послушно вернул спинку кресла в вертикальное положение, отдал стюардессе одеяло, пристегнул ремни безопасности. И от нечего делать вперился в белесую предрассветную муть сплошной облачности за иллюминатором. В душе имелось два страстных желания. Первое – содрать с себя одежду, залезть под душ и долго с наслаждением мыться. Второе было более прозаическим –

страшно хотелось зевать. За неимением возможности немедленно осуществить первое желание, Никита во всю осуществлял второе. Тем более что оно хорошо снимало боль в ушах, возникающую от перепада давления при снижении самолёта.

Приземлились в потёмках, но пока самолёт вырубивал на стоянку, рассвело. В приподнятом настроении – и куда только зевота подевалась? – Польшов сбежал по трапу на бетонные плиты Шереметьево и зашагал к зданию аэропорта. Утренняя прохлада бодрила, а предвкушение, что не пройдёт и часа, как он смоет с себя пыль и грязь Африки, настраивало на радужный лад.

Российский таможенник не отличался воспитанностью и вышколенностью немецких стюардесс. При виде пассажира в мятых, грязных шортах и такой же по свежести рубашке, глаза его вылезли из орбит, а нос брезгливо сморщился.

– Откуда ты такой взялся? – недоумённо рыкнул он.

А вот этого Польшов не любил. Органически не переносил чванства и высокомерия.

– Из Африки, однако, господин хороший, – состроил он лучезарно дебильную улыбку. – С международного симпозиума по вопросам разведения и выпаса племенных козлиц. Никак не слышали, что ли?

– Оно и чувствуется... – Таможенник помахал у себя перед лицом раскрытым паспортом Польшова. – Где багаж?

– Однако с собой нетути, – изображая из себя крестьянскую простоту, развёл руками Никита. – Мой багаж токмо по дипломатическим каналам идёт.

– Проваливай! – Таможенник раздражённо швырнул паспорт на стойку. – Козлопас...

– Премного благодарен, – расшаркался Польшов. – Нижайше кланяюсь... Как погляжу, добрейшей вы души человек!

Таможенник не нашёл слов, и Польшов побыстрее ретировался. «Ну уж на последующих пассажирах он душу-то свою „добрейшую“ отведёт», – на ходу подумал Никита.

На площади у здания аэропорта Польшов остановился. Похоже, своей спешкой сам себе создал трудности. Слишком быстро добрался в Москву из Центральной Африки – вряд ли Березницкий ждёт его так рано. А это значит, что встречающих не будет, и надо добираться самому. С его же внешним видом плюс «экзотическим» запахом проблема из трудно-разрешимых. Впрочем, за доллары московские таксисты куда хочешь, хоть обратно в Центральную Африку доставят. Знай, только валюту отстёгивай.

Так оно и оказалось. Не успел Никита оглядеться, как возле него затормозил потрёпанный оранжевый «жигулёнок». Передняя дверца распахнулась, и молодой чернявый водитель радушно предложил:

– Садись, подвезу!

Лицо у парня было простоватым, добродушным. Именно с таким лицом частным извозом и заниматься – у клиентов больше доверия вызывает.

Польшов на всякий случай оглянулся – нет ли встречающих, однако площадь перед аэропортом была пустыня. Пассажиры с каирского рейса ещё получали багаж, а других рейсов в столь раннее время, похоже, не было. Никита снова перевёл взгляд на «жигули» – оранжевый цвет машины ярко воскрешал в памяти «лендровер» вице-консула Ненарокова, – поморщился, но, махнув на плохую примету рукой, сел на переднее сиденье и захлопнул дверцу.

– Алексей, – представился парень, трогая машину с места.

Польшов равнодушно кивнул. Вступать в пустые дорожные разговоры он был не намерен. А говорить, куда ехать, пока не стал – дорога на Москву здесь одна. Где-нибудь в центре придётся убивать время до семи утра и лишь только затем можно будет позвонить по телефону.

Парень покосился на него, промолчал и увеличил скорость. За окном замелькали голубые от утренней дымки стволы берёз и синие сосны. В столь ранний час шоссе было пустынным, и создавалось впечатление, будто едут они где-то далеко-далеко от столицы среди бескрайних лесов, и только асфальт дороги напоминает о цивилизации.

Не доезжая до Петербургского шоссе, шофёр внезапно сбросил скорость и свернул на неширокую, петляющую по лесу дорогу. Польшов подобрался и в упор уставился на водителя.

– Это куда же ты, Лёша, меня, молоденькую и неопытную, везёшь? – криво усмехаясь, процедил он.

– А на дачу к Березницкому, Никита Артёмович! – ответил парень.

Он глянул на Польшова, и они дружно расхохотались. Действительно, где-то здесь, на берегу Клязьмы, у Березницкого была дача.

– Конспиратор! – отсмеявшись, покачал головой Никита. – Не мог сразу представиться? Наиграешься ещё в шпионы, надоест...

– Минутку, Никита Артёмович. – Алексей, достал из кармана сотовый телефон и набрал номер.

– Доброе утро, Роман Борисович! – сказал он. – Племянник дяди Коли только что прибыл. Да, да... Минут через пятнадцать будет у вас.

Алексей спрятал телефон и повернул голову к Польшову.

– А что же вы без багажа, Никита Артёмович?

– Хорошо, что ноги унёс... – пробурчал Никита. – Сидел я в тюрьме в одной неназванной стране как злостный российский шпиён. К счастью, удалось бежать через канализацию. Запашок ощущаешь?

– Есть немного, – согласился Алексей. Однако, несмотря на свою простоватую внешность, изобразить на лице искреннюю веру в откровенную «развесистую клюкву» ему не удалось. – Только почему-то их дерьмо навозом пахнет.

– Тебе-то откуда знать, как заграничное дерьмо воняет? – снисходительно усмехнулся Польшов.

– Да уж известно, – неожиданно серьёзно ответил Алексей. – Приходилось нюхать...

Польшов промолчал и внимательно посмотрел на водителя. Не такой-то он и молодой – лет ему отнюдь не двадцать три от силы, как с первого взгляда показалось. Все тридцать точно будет. Ровесник. Зря с ним так, свысока, разговаривал...

Алексей снизил скорость, свернул с шоссе на неприметную дорогу, и, остановившись возле опущенного шлагбаума, посигналил. Из сторожки вышел суровый милиционер с автоматом на груди, бросил взгляд на номер «жигулей», затем на водителя и махнул рукой кому-то в сторожке. Шлагбаум поднялся.

И Польшов ещё раз произвольно отметил, что непростым видимо, человеком был Алексей, если охрана правительственных дач знала и затрапезные «жигули» и его самого.

Дача Березницкого выгодно отличалась от современных загородных резиденций властью имущих, больше похожих на крепости с глухими стенами и окнами, забранными пуленепробиваемыми жалюзи. Это была постройка ещё того времени, когда в стране понятия не имели ни о киллерах, ни о криминальных разборках, и дачи строили с балконами, соляриями, помпезными колоннами, то есть для отдыха на природе, а не с целью защитить жизнь. Здесь было всё, что положено иметь загородному дому: большие окна, открытая веранда на первом этаже и широкая терраса на втором с видом на небольшой декоративный парк и излучину реки. Любил Березницкий простор и не собирался себя ограничивать четырьмя стенами, хоть, разумеется, и понимал, что найдётся немало охотников посмотреть на него сквозь оптический прицел. Но настоящая охрана тем и отличается, что не мозолит глаза, а занимается своим делом.

Ворота дачи открыли двое штатских ребят из личной охраны. Открыли так же молча, как и милиционеры шлагбаум при въезде на территорию дачного посёлка, но эти, внимательно посмотрев на водителя, кивнули в знак приветствия. Алексей им ответил таким же кивком.

Лишь только шины «жигулей» зашуршали по дорожке, как на крыльце появился хозяин дачи. Роман Борисович Березницкий собственной персоной. Худощавый, лысоватый мужчина лет сорока пяти, с большим крючковатым носом, немного сутулый, он на первый взгляд не производил особого впечатления. К тому же был он порывист в движениях, говорил быстро, отрывисто, иногда глотая слова, и от этого казалось, что он не имеет своего собственного мнения и всегда готов не только согласиться с чужим, но и принять любую точку зрения. Однако на деле всё было абсолютно не так. Видимость покладистости не соответствовала делам Березницкого. Ни к каким политическим партиям – ни к левым, ни к правым, ни к центру – он не примыкал, а был, не только на словах, но и на деле, сторонником одного направления – здравого смысла. Именно поэтому его постоянно привлекали к работе в правительстве, когда требовалось провести в жизнь действительно государственное решение, и именно поэтому он долго на ответственных постах не задерживался. То есть его потенциал использовали по принципу: «сделал дело – гуляй подалее!» Причём под первой половиной подразумевалось нужное на данный момент правительству решение, а под второй – личные идеи Березницкого об укреплении государственности. Обжёгшись таким образом пару раз, Роман Борисович тем не менее не отказывался на два-три месяца занять какую-либо ответственную должность, если видел возможность хоть как-то способствовать укреплению государства. Но именно эти осечки и привели Березницкого к мысли создать свою оперативную группу внешней и внутренней разведки, чтобы не быть слепым котёнком в политических интригах и экономических аферах на самом высоком уровне.

– Спасибо, – поблагодарил Алексея Польшов, выбираясь из машины.

Алексей только кивнул.

Березницкий не стал ждать, пока Польшов взойдёт на крыльцо. Быстро спустился по ступенькам и, хрустя гравием, направился к «жигулям».

– С возвращением, Никита Артёмович, – пожал руку Польшову, смотря в глаза острым, пронизательным взглядом.

– С добрым утром, Роман Борисович.

– Как добрались?

– А вы не чувствуете? – саркастически усмехнулся Никита и сморщил нос.

– Н-да, некоторое амбре ощущается... – согласился Березницкий, но тут же дипломатично увёл разговор в интересующую его сторону. – К сожалению, был вынужден отозвать вас раньше срока, но всё же – как с вашим заданием? Удалось что-нибудь выяснить?

– А вот о делах, Роман Борисович, извините, только после душа, – отрицательно покачал головой Польшов.

Таких ответов Березницкий от подчинённых не любил. Дело, прежде всего дело, а личные проблемы потом. Так он жил сам, этого же требовал и от своих сотрудников. Жёстким взглядом он заглянул в глаза Никите и встретил в них непреклонный отпор.

– Хорошо, – порывисто согласился Роман Борисович. – Я вас понимаю. Идёмте.

Он подхватил Никиту под руку и увлёк в дом.

– Мне бы свежую одежду, – сказал Никита. – И обувь...

– Хорошо, хорошо, – кивнул Березницкий и на ходу бросил Алексею: – Алёша, подыщите, пожалуйста, что-нибудь подходящее Никите Артёмовичу... Прошу, – распахнул перед Польшовым дверь.

– Машенька! – позвал он из прихожей. – Маша!

Со стороны веранды чуть ли ни мгновенно появилась молоденькая прислуга в тёмном платье и белоснежном накрахмаленном кокошнике.

– Машенька, я вас попрошу, отведите нашего гостя в ванную комнату. – Березницкий повернулся к Польшину. – Надеюсь, Никита Артёмович, за полчаса справитесь?

– Постараюсь, Роман Борисович.

Следом за прислугой Никита прошёл в ванную комнату, где к своему удовлетворению не увидел никаких новомодных штучек, типа джакузи. Не вязались подобные излишества с обликом Березницкого. Да, всё прилично оформлено: стены и пол в кафеле, краны и трубы никелем блестят, чистенько, аккуратно, но не более. Большая ванна, рядом душ, умывальник, зеркало, на полочках лосьоны, одеколоны, мыло, шампунь, бритвенные принадлежности.

– Раненько вы встаёте, Машенька, – посочувствовал Никита.

– У каждого своя работа, Никита Артёмович, – с улыбкой возразила прислуга. – В этом шкафчике полотенца, здесь возьмёте бритву. Вот, кстати, аптечка, если порежетесь. А в эту корзину бросьте одежду. Вам её постирать?

– Ни боже мой! – возмутился Польшин. – В мусорный бак вместе с обувью.

– Хорошо. Здесь мыло, шампунь, здесь мочалка. Вопросы ко мне будут?

Вертелся на языке у Польшина вопрос, кто бы ему спину потёр, но он пересилил себя, прикусил язык и отрицательно помотал головой.

– Всего вам доброго, – кивнула головой прислуга и ушла.

И тогда Никита наконец осуществил свою мечту, ставшую настолько навязчивой, что никакие другие мысли в голову просто не лезли: содрал с себя одежду и шагнул под душ.

Минут пять он стоял под хлещущими тёплыми струями, испытывая невероятное блаженство, и только затем стал мыться, яростно сдирая с себя мочалкой пыль и грязь Африки. Намылил голову, плечи, грудь... И вдруг резкая боль обожгла левое бедро. Уже зная, что увидит на бедре, Никита смахнул с глаз мыльную пену и посмотрел.

Древесная пиявка, как её называли в африканской деревне, внедрилась под кожу давно – припухшее место стало тёмно-багровым. Чертыхаясь и кляня про себя Африку на чём свет стоит, Польшин побыстрее домылся, насухо вытерся и заглянул в аптечку. Негусто. Набор медикаментов почти как у Сан Саныча: лейкопластырь, йод, кровоостанавливающий карандаш, аспирин, анальгин, стрептоцид... Всё понятно, зачем в аптечке в ванной комнате держать ту же вату? Но Польшину от этого понимания было не легче. Обращаться напрямую к прислуге за скальпелем не следовало – сразу пойдут вопросы зачем, что да как... А насколько опасен этот паразит, а не заразит ли Никита ещё кого-нибудь...

Польшин повертел в руках маникюрные ножницы, вздохнул, отложил их в сторону. Затем взял одноразовую бритву, обломал пластик и обнажил двойное лезвие. Что ж, за неимением лучшего, сойдёт и это. Усевшись на край ванны, он прощупал припухлость, определяя, на какую глубину и какой длины нужно сделать разрез, и уже занёс было руку, как в дверь постучали.

– Никита Артёмович, я вам одежду на спинку стула у двери повешу, хорошо? – донёсся голос прислуги.

– Спасибо, Машенька, – поблагодарил Польшин.

И услышав её удаляющиеся шаги, полоснул импровизированным скальпелем по бедру. Кожа, растянутая пальцами левой руки, распахнулась, и в открывшемся разрезе Никита увидел большую, около двух сантиметров, нематоду. Нематода конвульсивно задёргалась, и толчок почти мгновенно хлынувшей крови выбросил её на вовремя подставленную ладонь.

Польшин поднёс ладонь к глазам и внимательно рассмотрел паразита. Разрез он провёл, прямо сказать, мастерски – лезвие бритвы не повредило нематоду. Другое было плохо – нематода оказалась достаточно взрослой особью, и сквозь полупрозрачную кожу последнего сегмента просвечивались её яйца. Никита бросил паразита в раковину, раздавил лез-

вием и смыл водой в канализацию. Затем свинтил рассекатель с гибкого душа и мощной струёй воды, стиснув зубы, промыл рану. Насухо вытершись полотенцем, засыпал по методу Сан Саныча рану стрептоцидом и заклеил её лейкопластырем. И только тщательно убрав все следы операции – смыв кровь на полу и спрятав окровавленное полотенце в ворохе своей одежды, – он приступил к бритью.

Через сорок минут в свободном сиреневом спортивном костюме, новых кроссовках, гладко выбритый, благоухающий французской туалетной водой Полынов появился на террасе второго этажа. Березницкий поджидал его сидя в плетёном кресле у журнального столика и попивая кофе из маленькой чашечки.

– Присаживайтесь, Никита Артёмович, – указал он на кресло напротив и демонстративно посмотрел на часы. – Вы задержались на десять минут. Придётся вам пить холодный кофе.

– Приношу свои извинения, Роман Борисович, – развёл руками Полынов. – Никак не ожидал, что пыль Африки столь въедлива.

Он сел в кресло и огляделся. Вокруг расстилался типичный пейзаж среднерусской равнины – ближайшие домики были закрыты разлапистыми соснами, а слева, в просвете между молоденькими берёзками, виднелась неширокая гладь реки с лугом до самого горизонта на другом берегу. Разительный контраст с джунглями Центральной Африки. И всё же что-то общее было между верандой бунгало Сан Саныча и террасой дачи Березницкого. Плетёные кресла, кофе на открытом воздухе, вид на лес с небольшой высоты... От этих параллелей легонько защемило сердце.

– С кем имею честь беседовать? – полушутя осведомился он, пригубивая кофе. Березницкий слукавил, кофе был ещё горячим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.